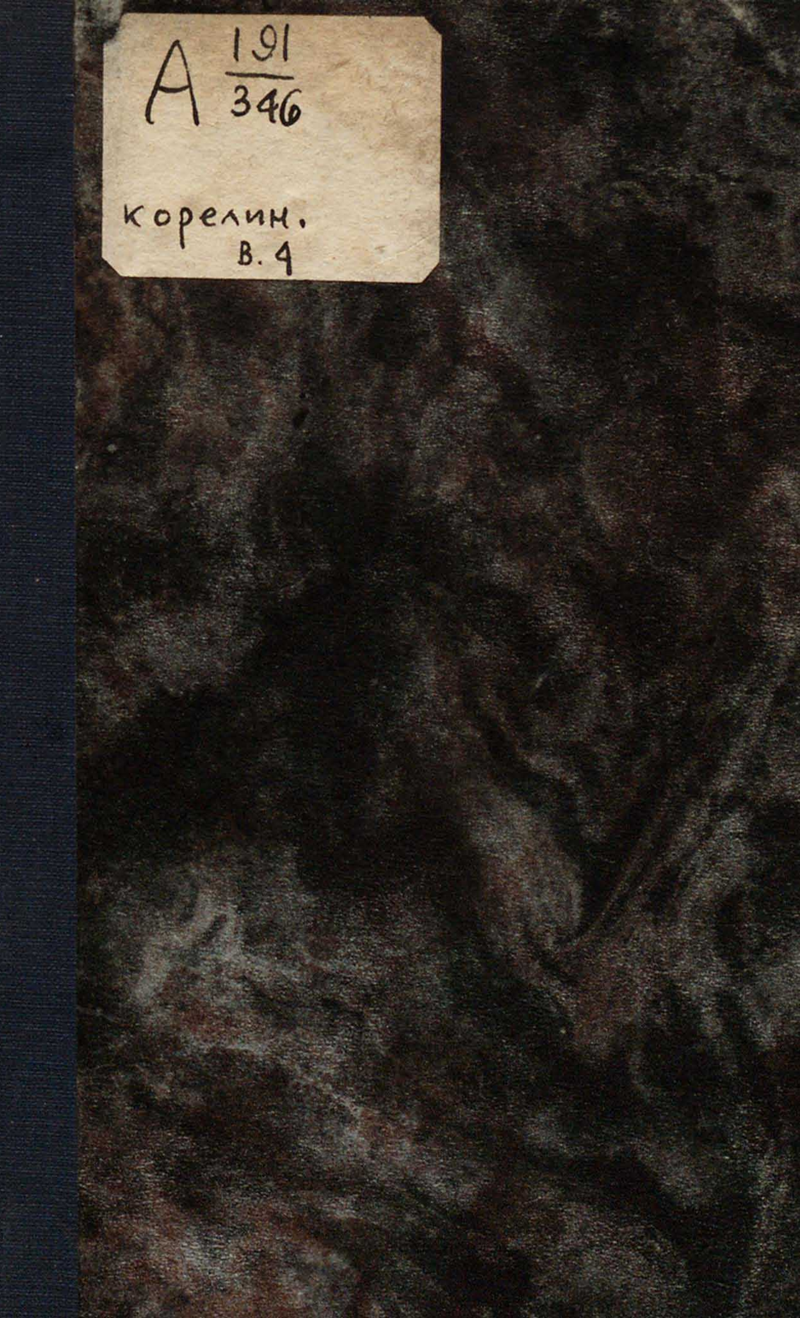

A 191/346
корелин.
В. 4

Проф. М. С. Корелинъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ЧТЕНІЯ

ПО

КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРІИ.

Выпускъ IV.

АССИРІЙСКІЙ НАРОДЪ

И ЕГО БОГИ ПОКРОВИТЕЛИ.

Съ 23 рисунками въ текстѣ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ

С. Ф. Лавровой.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименов. ул., с. д.

Москва—1912.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Складъ: Москва, Пименовская ул., Т-во Кушнеревъ и К°.

Библіотека „Русской Мысли“.

Сенкевичъ, Генр. Черезъ степи. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 40 к.
Баранцевичъ, К. С. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.
Ожешкова, Элиза. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Изд. 2-е. Допущено въ народныя библіотеки и читальни.
Ремезовъ, М. Н. Іудея и Римъ. Картинки античнаго міра. Ц. 50 к.
Немировичъ-Данченко, Вл. Ив. Драма за сценой. Ц. 1 р.
Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Лялька. Ц. 60 к.
Ожешкова, Элиза. Панна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.
Ожешкова, Элиза. ...И пѣсня пусть заплачетъ... Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.
Гомулицкій, В. Солдатъ. Разсказъ. Перев. съ польск. В. М. Лаврова. Ц. 30 к.
Ремезовъ, М. Н. Клеопатра. Картинки античнаго міра. Ц. 40 к.
Альбовъ, М. Н. Юбилей. Не совсѣмъ обыкновен. исторія. Ц. 1 р.
Ремезовъ, М. Н. По Шлюмберже. Картины жизни Византіи въ X вѣкѣ. Ц. 50 к.
Ремезовъ, М. Н. Византія и Византійцы конца X вѣка. Ц. 50 к.
Ремезовъ, М. Н. Эпилоги византійскихъ драмъ. Ц. 50 к.
Лада, Янъ. Милый мальчикъ. (Sweet boy.) Новелла. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Ц. 50 к.
Прусъ, Болеславъ. Возвратная волна. Повѣсть. Перев. съ польск. В. М. Лаврова.
Реймонтъ, Вл. Ст. Око за око. Перев. съ польск. В. М. Лаврова. Ц. 25 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли“.

(подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Гольцева).

I. **Нассе и Лексисъ, В.** Металлическія деньги и валюта. Ц. 60 к. Допущено въ безпл. народныя библіотеки и читальни.
II. **Пере.** Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. Ц. 60 к.
III. **Дюкло.** Пастеръ. Изслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи. Ц. 40 к. Одобрено для фундамен. и учен., старшаго возраста, библіот. сред. учеб. завед.
IV. **Бартъ, А.** Религіи Индіи. Ц. 1 р.
V. **Гауппъ, Отто.** Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 к.
VI. **Погожева.** Шериданъ. Школа злословія. Біографическ. очеркъ Шеридана. Ц. 60 к. Допущ. въ учен., старшаго возраста, библіот. средн. учебн. завед. вѣдомства Мин. Нар. Просв.
VII. **Гиро, П., проф.** Фюстель де-Куланжъ. Перев. А. Н. Чеботаревской. Ц. 50 к. Допущ. въ безпл. нар. биб. и чит., въ учит. библ. сред. учеб. зав., семин. и учит. инстит.
VIII. **Дюкло.** Пастеръ. Заразныя болѣзни. Ц. 40 к. Одобр. для фундамен. библ. гимназій и реальн. уч., для библ. учител. инстит., семинар., учит. библ. для низш. учеб. зав., для безплатн. народн. библ. и читаленъ.
IX. **Галле, Андре.** Бомарше. Перев. М. В. Лаврова. Ц. 40 к.
X. **Бертло.** Наука и нравственность. Ц. 60 к.
XI. **Геккель.** Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.
XII. **Делажъ.** Наслѣдственность. Ц. 50 к.

Новая библіотека „Русской Мысли“.

Южные сосѣди китайцевъ. Французы въ Тонкинѣ и Кохинхинѣ; Аннамъ, Сіамъ и англійская Бирманія. Съ картой Индо-Китая и рисунками въ текстѣ. 115 стр. Ц. 25 к. Одобрено въ безпл. нар. библ. и чит., въ ученич. библ. низш. учил. и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.
Жизнь и труды Эдиссона. Съ портретомъ Эдиссона. Составилъ Левъ Уманецъ. 112 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безпл. нар. библ. и чит., въ учительскія библ. средн. учебн. заведеній.
Борьба человѣка съ животными. Проф. Экштейна. Перев. съ нѣм. Г. А. Котляра. Съ рис. въ текстѣ. 172 стр. Ц. 30 к. Допущено въ безпл. нар. библ. и читальни.
Японія и японцы. Страна, бытъ японцевъ, религія и литература. Исторія Японіи, государственное устройство и экономическое положеніе. Съ картой. 175 стр. Изд. 2-е. Ц. 35 к.

Профессоръ М. С. Корелинъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ЧТЕНІЯ

по

КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРІИ.

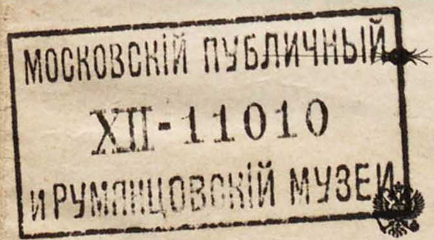
Выпускъ IV.

АССИРІЙСКІЙ НАРОДЪ

И ЕГО БОГИ ПОКРОВИТЕЛИ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ

С. Ф. Лавровой.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА — 1912.

Ассирійскій народъ и его боги-покровители.

I.

Природа Месопотаміи и ея древнѣйшее населеніе. Сумеры и семиты.

Если прослѣдить исторію нашей современной культуры до ея самыхъ древнѣйшихъ началъ, то окажется, что ее нельзя свести къ какому-либо одному исконному источнику, но что она вышла изъ нѣсколькихъ центровъ. Нѣкоторыя ея стороны ведутъ свое начало изъ арійской старины, а другія, и такихъ большинство, отъ семитовъ. Но и семитическія культуры въ древнѣйшія эпохи ихъ исторіи развиваются совершенно самобытно и вполнѣ независимо другъ отъ друга. Такой своеобразный типъ семитической культуры сложился и на равнинахъ Месопотаміи, хотя природа страны и ея населеніе имѣютъ много общаго съ Египтомъ.

Месопотамія дѣлилась на двѣ части: Ассирію на сѣверѣ и Вавилонію на югѣ. Въ настоящее время эта обширная и однообразная равнина проявляетъ жизнь только на берегахъ орошающихъ ее рѣкъ Тигра и Евфрата, а внутренность страны, куда не проникаетъ благотворная рѣчная влага, представляетъ

собою безжизненную пустыню, выжженную вертикальными лучами тропическаго солнца. Климатъ Месопотаміи точно такъ же обладаетъ огромными неудобствами для культурной жизни. Въ теченіе шести мѣсяцевъ отъ мая до ноября на небѣ не появляется ни одной тучки, и жара часто доходитъ до 53^0 по Реомюру. «Въ Багдадѣ,—разсказываетъ одинъ путешественникъ,—населеніе лѣтомъ не живетъ въ домахъ: ночи оно проводитъ надъ домами, на крышахъ, а дни подъ домами, въ подвалахъ. Даже птицы полуживыя и съ открытымъ клювомъ по цѣлымъ днямъ неподвижно сидятъ на деревьяхъ». Кромѣ того, знойные вѣтры приносятъ сюда изъ сосѣднихъ пустынь цѣлыя горы раскаленнаго песка, а безконечныя массы саранчи пожираютъ и тѣ остатки растительности, которые пощадили вѣтеръ и солнце. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій древняя Ассиро-Вавилонія въ настоящее время представляетъ собою крайне печальное зрѣлище. Англичанинъ Лофтусъ, одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ изслѣдователей ея исторіи, слѣдующимъ образомъ описываетъ окрестности развалинъ нѣкогда цвѣтущаго города Эреха. «Тамъ нѣтъ жизни на нѣсколько часовъ пути кругомъ... Шакалъ и гіена, очевидно, избѣгаютъ печальнаго зрѣлища могилъ этого города, и царь птицъ никогда не паритъ надъ заброшенною пустыней. Здѣсь не можетъ жить ни былинка, ни насѣкомое. Только сухой мелкій мохъ облипаетъ вывѣтрившуюся поверхность разбитыхъ кирпичей и, какъ кажется, наслаждается безспорнымъ господствомъ надъ этими голыми развалинами. Эрехъ далеко превосходитъ всѣ печальныя картины, какія я когда-либо видѣлъ».

Такой же характеръ имѣла равнина Месопотаміи и въ доисторическую эпоху, когда тамъ еще не появился способный къ культурѣ человѣкъ, хотя ея очертанія были нѣсколько иныя. Тогда Персидскій заливъ вдавался въ материкъ глубже, чѣмъ теперь, миль на 25; Шат-аль-араба не было, и Тигръ и Евфратъ имѣли самостоятельныя устья, при чемъ послѣдняя рѣка не всегда достигала моря, а часто терялась въ береговыхъ озерахъ и болотахъ. Но совершенно иную картину этой страны изображаютъ намъ монументальные памятники ея прошлаго, добытые изъ развалинъ ея цвѣтущихъ городовъ, а также древніе путешественники, посѣщавшіе страну даже послѣ паденія ея политической самостоятельности. Отецъ исторіи Геродотъ описываетъ Месопотамію въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ. «Эта страна,— говоритъ онъ,—плодороднѣйшая изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ... Плоды Деметры здѣсь такъ обильны, что обыкновенно земля родитъ самъ 200, а при наибольшемъ урожаѣ самъ 300. Тамъ листья пшеницы и ячменя имѣютъ часто въ ширину четыре пальца; что просо и кунжутъ вырастаютъ тамъ величиною съ дерево, я хотя и знаю, лучше упоминать не буду, такъ какъ убѣжденъ, что и сказанное о плодахъ содержитъ въ себѣ много невѣроятнаго для тѣхъ, кто не бывалъ въ Вавилоніи». Плодородіе страны создало высокое матеріальное благосостояніе жителей и Месопотамія славилась своимъ богатствомъ даже подъ властью персидскаго царя. По словамъ Геродота, «Ассирія по количеству богатствъ составляла третью часть всей Азіи, и управленіе этой областью, которую персы называютъ сатрапіей, доходнѣе всѣхъ прочихъ

намѣстничествъ». Такой рѣзкій контрастъ между современнымъ положеніемъ Месопотаміи и ея процвѣтаніемъ въ древности объясняется свойствами населявшаго ее народа. Здѣсь, какъ въ Египтѣ, все зависитъ отъ искусственнаго орошенія: жизнь здѣсь возможна только въ такихъ мѣстахъ, куда проникаетъ влага, и достаточно оросить мертвую пустыню, какъ она превращается въ страну легендарнаго плодородія. Но чтобы провести цѣлую сѣть длинныхъ каналовъ, чтобы покрыть всю страну искусственными резервуарами, нужно населеніе, способное къ культурной работѣ. Современная Месопотамія лишена такихъ жителей; поэтому она представляетъ собой безводную, а слѣдовательно и безжизненную пустыню. Въ такую же пустыню пришли и первобытные обитатели этой страны.

Культурная жизнь началась на югѣ Месопотаміи, и ея древнѣйшее населеніе принадлежало не къ семитической, а къ туранской расѣ. Къ какой вѣтви этого обширнаго племени относились старинные обитатели этой страны, въ точности неизвѣстно: можетъ быть, они были родственны нашимъ финнамъ; можетъ быть, они соплеменники современныхъ турокъ и мадьяръ. Точно такъ же не вполнѣ установлено и ихъ названіе: одни изслѣдователи называютъ ихъ аккадами, другіе—сумерами, иные прилагаютъ къ нимъ оба названія. Но какъ бы то ни было, эти самые ранніе обитатели Месопотаміи (мы будемъ ихъ называть сумерами) положили начало культуры этой страны: они начали проводить каналы, развили земледѣліе, создали государственный союзъ, изобрѣли такъ называемую клинообразную письменность. За

сорокъ вѣковъ до Рождества Христова югъ Месопотаміи былъ уже покрытъ городами, которые современемъ объединялись въ одно государство. Когда этотъ туранскій слой населенія выработалъ уже основанія культуры, въ Месопотаміи явились семиты, сначала въ видѣ колонистовъ, потомъ въ качествѣ завоевателей. Уже за 3800 лѣтъ до нашей эры семитъ Саргонъ дѣлается могущественнымъ государемъ на югѣ Месопотаміи, а нѣсколько позже развивается на сѣверѣ этой страны около Нineвіи другое семитическое государство, которое вскорѣ подчинило себѣ всю Месопотамію. Эти новые пришельцы принесли съ собой начатки своей культуры; но, поглотивъ исконное населеніе, они слили его культуру съ своей собственной въ одно цѣлое, различить составныя части котораго теперь очень трудно, а иногда и совсѣмъ невозможно. Эта единая ассиро-вавилонская культура сложилась на югѣ и оттуда почти безъ всякихъ перемѣнъ распространилась не только по всей Месопотаміи, но и далеко за ея предѣлы. Только населеніе сѣверной Месопотаміи наложило на эту культуру неизгладимую печать своихъ національныхъ особенностей.

II.

Ассирійцы. Общій характеръ исторіи Ассиріи. Національный характеръ ассирійцевъ.

Ассирійцевъ, населявшихъ сѣверную часть Месопотаміи, называютъ римлянами Азіи, и дѣйствительно, между обоими народами существуетъ нѣкоторое сходство. Подобно римлянамъ, ассирійцы создали мо-

гущественную армію и, опираясь на нее, широко раздвинули предѣлы своего государства. Идея всемірной монархіи, за которую позже боролись персы и греки и которую осуществилъ Римъ, зародилась въ Ассиріи и здѣсь же нашла свое первое, хотя и далеко не полное, осуществленіе. Наконецъ, подобно тому, какъ Римъ, усвоивъ эллинскую культуру, распространилъ ее вмѣстѣ съ собственной въ варварскихъ странахъ, точно такъ же и ассирійскія завоеванія разносили за предѣлы Месопотаміи ту культуру, которую создали вмѣстѣ съ сумерами халдеи, ихъ южные соплеменники, и которую цѣликомъ восприняли сами завоеватели. Но существенную особенность ассирійцевъ, которая отличаетъ ихъ отъ всѣхъ народовъ древняго міра, составляетъ ихъ необычайная воинственность. Это господствующее свойство ассирійскаго характера, созданное историческими судьбами этого народа, наложило неизгладимую печать какъ на его политическій строй, такъ и на всю его культуру.

Политическая исторія Ассиро-Вавилоніи, которая тянулась на протяженіи сорока вѣковъ, поразительно однообразна, такъ какъ ея содержаніе почти исключительно составляютъ войны. Вначалѣ южнымъ семитамъ приходилось вести непрерывную борьбу съ болѣе ранними обитателями южной Месопотаміи — сумерами и съ ихъ единоплеменными сосѣдями; потомъ начинаются ожесточенныя войны между Вавилономъ, составлявшимъ центръ южныхъ семитовъ, и государствомъ семитовъ сѣверныхъ—Ассиріей. Когда сѣверъ одержалъ побѣду надъ югомъ, начинаются непрерывные походы ассирійской арміи за предѣлы Месопо-

таміи, сначала на востокъ, противъ мелкихъ горныхъ племенъ Ирана, потомъ на сѣверъ и на западъ, противъ Финикіи, Аравіи, Палестины, Сиріи и Египта. Количество этихъ походовъ буквально неисчислимо. Ими главнымъ образомъ наполнены ассирійскія надписи, составляющія основной источникъ нашихъ свѣдѣній объ Ассиріи. Почти каждый царь совершалъ такіе походы, а нѣкоторые дѣлали ихъ изумительное количество. Тиглатъ-Пилезаръ I, напр., утверждаетъ, что онъ только въ первыя пять лѣтъ своего царствованія завоевалъ 42 страны, и подобныя же свѣдѣнія даютъ другія надписи. Правда, показанія ассирійскихъ царей не внушаютъ безусловнаго довѣрія; желая увѣковѣчить свое имя въ потомствѣ, воинственные государи Ассиріи преувеличиваютъ свои подвиги: простой разбойничій набѣгъ, доставившій имъ нѣсколько награбленныхъ лошадей или овецъ, изображается ими какъ блестящая кампанія; разграбленіе горнаго аула — какъ завоеваніе обширнаго города; покореніе мелкаго племени—какъ подчиненіе великаго народа. Болѣе того, цари иногда приписываютъ себѣ чужіе подвиги, стираютъ имена своихъ предшественниковъ съ ихъ монументальныхъ памятниковъ и замѣняютъ ихъ своими собственными именами. Тѣмъ не менѣе это хвастовство не измѣняетъ сущности дѣла. Обширныя завоеванія Ассиріи требовали многочисленныхъ походовъ, а укрѣпленіе власти въ завоеванныхъ странахъ—непрерывной борьбы, и война составляла почти исключительную заботу ассирійскаго государства и главное проявленіе дѣятельности ассирійскихъ царей.

Совершенно естественно, что такое историческое

воспитаніе создало въ ассирійцѣ бо́льшую воинственность, чѣмъ у какого-либо изъ народовъ древности; но тѣ же самыя непрерывныя войны наложили на эту воинственность печать необыкновенной, исключительной жестокости. Древній міръ вообще, а азіатскій востокъ въ особенности были мало доступны гуманности; но свирѣпость ассирійцевъ доходила до такой виртуозности, которая казалась изумительной даже ихъ современникамъ. На современнаго читателя хвастливыя надписи ассирійскихъ царей производятъ впечатлѣніе просто невѣроятнаго звѣрства и не только содержаніемъ, а главнымъ образомъ тономъ. Упомянутый нами Тиглатъ-Пилезаръ не только доводитъ до свѣдѣнія потомства, что изъ 20.000 побѣжденныхъ имъ жителей онъ оставилъ въ живыхъ только 600, но и съ хвастливой гордостью изображаетъ свои жестокости. «Я наполнилъ трупами враговъ горныя долины и вершины, говоритъ онъ въ одной надписи, я обезглавилъ ихъ, украсилъ ихъ головами стѣны ихъ городовъ, я забралъ рабовъ, добычу и безчисленныя сокровища. 6.000 изъ нихъ подчинились моему могуществу, обнимали мнѣ колѣна, и я взялъ ихъ въ плѣнъ». «Я наполнилъ развалинами эти области, которыя съ незапамятныхъ временъ не знали подчиненія,—говоритъ тотъ же царь въ другой надписи.— Я помѣрился съ ихъ войсками на горѣ Арумѣ; я ихъ наказалъ; я усѣялъ почву ихъ трупами, какъ дикими звѣрями, я занялъ ихъ города; я плѣнилъ ихъ, захватилъ ихъ имущество, ихъ сокровища; я предалъ города ихъ пламени; я ихъ разрушилъ, уничтожилъ, превратилъ въ развалины и хламъ; я наложилъ на побѣжденныхъ тяжелое иго моего господства и въ

ихъ присутствіи я воздалъ благодарность богу Ассуру, моему господину». Тиглатъ-Пилезаръ, которому принадлежатъ эти надписи, не былъ какимъ-либо извергомъ рода человѣческаго и его обращеніе съ побѣжденными не составляло его личной особенности. Въ надписяхъ другихъ царей обнаруживаются слѣды той же самой политики. «Жители удалились,—говорится въ одной изъ нихъ,—на недоступныя горы и окопались на вершинахъ, чтобы я не могъ достичь ихъ, ибо эти величественные пики возвышаются подобно острію меча, и однѣ только птицы небесныя достигаютъ ихъ на своихъ крыльяхъ. Въ три дня я вошелъ на гору и внесъ ужасъ въ ихъ убѣжище: трупы скрывшихся покрывали горные склоны подобно листьямъ деревьевъ». «Я убивалъ одного изъ двухъ,— говоритъ одинъ царь въ другой надписи;—я построилъ стѣну передъ великими воротами города и покрылъ ее кожею, которую содрали по моему приказанію съ предводителей возстанія. Нѣкоторые были заложены живыми въ стѣну, иные были распяты или посажены на колъ вдоль стѣны. Я приказалъ въ моемъ присутствіи содрать кожу съ большого количества людей и покрыть ею стѣны. Я приказалъ многихъ обезглавить и сложить ихъ головы въ видѣ короны, а разрѣзанные трупы—въ видѣ гирлянды». Другія надписи въ томъ же родѣ. Изъ нихъ видно, что содрать кожу съ живыхъ враговъ и обтянуть ею стѣны завоеваннаго города—дѣло обыкновенное, а вырѣзать языкъ у живого человѣка не считалось тяжелымъ наказаніемъ. Весьма часто врага сажаютъ на колъ, содравъ съ него предварительно кожу; иногда побѣдитель приказываетъ отрѣзать ему носъ, уши, руки, вы-

колоть глаза, а иногда и просто сожигаетъ городъ со всѣми его жителями. Такая жестокость по отношенію къ побѣжденнымъ не была случайностью, а составляла постоянную традицію ассирійской политики. Приведенныя надписи относятся ко времени отъ XII до IX вѣка до Рождества Христова, но въ позднѣйшую эпоху отношеніе къ побѣжденнымъ не мѣняется, только жестокости становятся болѣе утонченными. Такъ, напр., въ VII вѣкѣ противъ ассирійскаго владычества возсталъ финикійскій городъ Сидонъ; возстаніе было подавлено, царь и его родственники подверглись смертной казни, а жители Сидона должны были пройти по Ниневіи въ торжественной процессіи, неся на груди головы казненныхъ правителей. Даже Вавилонъ, вошедшій въ составъ ассирійской монархіи, въ случаѣ революціи подвергался такимъ же жестокостямъ, хотя онъ былъ населенъ единоплеменниками ассирійцевъ, которые отсюда заимствовали свою религію и культуру. Такъ, Санхерибъ, подавивъ мятежъ въ южной столицѣ, отдалъ ее на разграбленіе солдатъ, вслѣдствіе чего улицы города сплошь были покрыты трупами, храмы были осквернены, статуи боговъ выброшены на улицу и потомъ весь городъ былъ сожженъ. Не довольствуясь этимъ, побѣдитель приказалъ провести воду изъ рѣки и каналовъ на мѣсто разрушеннаго города, чтобы самую его площадь превратить въ болото. Позже Вавилонъ былъ реставрированъ, и когда другой иноплеменный завоеватель, персидскій царь Киръ, захватилъ древнюю столицу Месопотаміи, то она не испытала и сотой доли тѣхъ бѣдствій, какимъ подвергъ ее единоплеменникъ Санхерибъ.

III.

Вліяніе національнаго характера ассирійцевъ на ихъ политическій и общественный строй. Царская власть и государственное управленіе въ Ассиріи. Культурная дѣятельность ассирійскихъ царей. Ассурбанипалъ.

Національный характеръ ассирійцевъ сложился подъ вліяніемъ историческихъ событій и рѣзко отличается отъ характера другихъ семитовъ. Онъ отразился прежде всего на политическомъ строѣ ассиро-вавилонскаго государства. Этотъ строй былъ приспособленъ главнымъ образомъ къ военнымъ потребностямъ, такъ что государство во многихъ отношеніяхъ напоминало обширный лагерь. Во главѣ его, какъ и повсюду на востокѣ, стоялъ царь; но ассирійскій монархъ существенно отличается отъ египетскаго фараона, хотя оба они обладаютъ неограниченной властью. Въ Египтѣ фараонъ—полубогъ; въ его груди бьется божественное сердце, въ его жилахъ течетъ божественная кровь, и послѣ смерти онъ становится настоящимъ богомъ. Въ Ассиро-Вавилоніи царь тоже иногда называется сыномъ того или другого бога, но это только простой титулъ, который не влечетъ за собой никакихъ послѣдствій. Въ сознаніи народа и въ своемъ собственномъ ассирійскій царь такой же рабъ передъ богомъ, какъ его подданные передъ нимъ самимъ. Его власть основывается не на его божественной природѣ, какъ въ Египтѣ, хотя онъ и называется намѣстникомъ бога на землѣ. Лучше всего разница между ассирійскимъ царемъ и египетскимъ фараономъ сказывается при отправленіи ими жреческихъ обязанностей. Оба они—верховные жрецы въ

своемъ государствѣ, но фараонъ, какъ полубогъ, приноситъ жертвы и самому себѣ, а ассирійскій царь во время богослуженія снимаетъ свою діадему, царскія одѣянія и всѣ украшенія и является передъ божествомъ въ одѣяніи храмового раба, т.-е. полуобнаженнымъ, въ одной короткой юбкѣ. Точно такъ же послѣ смерти фараонъ превращается въ бога: въ честь его сооружаютъ храмы, для которыхъ назначаютъ особенныхъ жрецовъ; въ Ассиро-Вавилоніи нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ посмертнаго обоготворенія царя.

Но рабъ передъ небомъ, ассирійскій царь безграничный властитель на землѣ. Онъ безконтрольно распоряжается своимъ престоломъ, по своему произволу назначая себѣ преемника. Онъ—главнокомандующій войскомъ; отъ него зависитъ война и миръ; онъ—высшій законодатель и верховный судья; онъ налагаетъ подати на своихъ подданныхъ и распоряжается ихъ жизнью и имуществомъ. Когда Саргонъ II, захвативъ частныя владѣнія для постройки своего дворца, вознаградилъ за это собственниковъ, то онъ съ гордостью въ особой надписи возвѣщаетъ потомству этотъ необычный актъ исключительной справедливости. «Сообразно съ именемъ, которое я ношу (Саргонъ означаетъ справедливость) и которымъ назвали меня великіе боги,—говоритъ онъ,—чтобы я охранялъ право и справедливость, управлялъ безсильными и не вредилъ слабымъ, я золотомъ и серебромъ уплатилъ собственникамъ за ихъ земли соотвѣтственно съ ихъ оцѣночною табелью, и чтобы не причинить никакой несправедливости тѣмъ, которые не требовали за свое поле чистыхъ денегъ, я платилъ полемъ за поле вся-

кій разъ, какъ они хотѣли этого». Очевидно, такой порядокъ не былъ общепринятымъ въ Ассиро-Вавилоніи, иначе Саргонъ не говорилъ бы о своемъ поступкѣ, какъ о чемъ-то необыкновенномъ.

Вообще царь—единственный источникъ власти въ Ассиріи; многочисленная знать (руби и шупаршаки) не имѣетъ никакихъ сословныхъ правъ и представляетъ собою только аппаратъ для усиленія блеска и пышности ассирійскаго престола. Принцъ крови—безотвѣтный рабъ передъ царемъ, а каждаго раба онъ можетъ сдѣлать первымъ сановникомъ государства; между царской прислугой и государственнымъ чиновникомъ нѣтъ существенной разницы, и смотритель дворца на-ряду съ начальникомъ евнуховъ занимаютъ высокія мѣста въ чиновной іерархіи. Но это безпредѣльное могущество монарха выросло изъ военной власти полководца и держалось на арміи. Ассирійскій деспотизмъ носитъ по преимуществу военный характеръ. Главная обязанность царя—стоять во главѣ своего войска, главная обязанность подданныхъ—отправлять военную службу. Въ Ассиріи не было сословія воиновъ, потому что служили всѣ, потому что весь народъ представлялъ собою хорошо устроенную армію, гдѣ солдаты дѣлились по роду оружія и гдѣ каждый зналъ свое мѣсто. Судя по памятникамъ, бытъ и порядки въ Ассиріи измѣнялись медленно, но оружіе совершенствовалось сравнительно быстро, что указываетъ на особенную заботу о военномъ дѣлѣ. Государственная важность войны сказалась и на положеніи высшихъ сановниковъ. Первое мѣсто изъ пяти высшихъ должностей занималъ тартанъ, главный послѣ царя начальникъ надъ войскомъ; за нимъ

слѣдовали начальники дворца и евнуховъ, четвертое мѣсто принадлежало главному жрецу и послѣднее чиновнику по гражданскимъ дѣламъ. Такимъ образомъ важнѣе всего считалась армія, затѣмъ дворецъ, затѣмъ храмъ, и наименьшее значеніе придавалось внутреннему управленію.

Но хотя война была главнымъ дѣломъ Ассиро-Вавилоніи, хотя царь былъ прежде всего полководецъ, тѣмъ не менѣе военныя предпріятія не вполнѣ исчерпывали его дѣятельность. Ассирійскіе цари по временамъ обнаруживаютъ заботу и о мирномъ развитіи своихъ подданныхъ. Прежде всего ассирійскія надписи прославляютъ, кромѣ побѣдъ своихъ царей, ихъ подвиги на охотѣ. Охота, въ особенности въ древнѣйшія времена, была не праздной забавой, а серьезнымъ дѣломъ, такъ какъ дикіе звѣри цѣлыми массами бродили по Месопотаміи и представляли огромную опасность для населенія. Поэтому цари ведутъ съ ними ожесточенную борьбу и въ пышныхъ надписяхъ перечисляютъ свои охотничьи побѣды. Такъ, Тиглатъ-Пилезаръ заявляетъ, что онъ убилъ 120 львовъ въ пѣшемъ бою и 800 съ колесницы. Еще болѣе важное значеніе имѣли для страны царскія заботы объ искусственномъ орошеніи. Значеніе каналовъ, которые проводились ради этой цѣли, хорошо понималось населеніемъ, какъ это видно уже изъ ихъ названій: одинъ изъ нихъ носилъ названіе «податель изобилія», другой—«благо народа» и т. д. Проведеніе такихъ каналовъ было дѣломъ крайне труднымъ, его могло выполнить только государство, и ассиро-вавилонскіе цари весьма рано принялись за эту работу. Уже за XIX вѣковъ до Рождества Христова, когда Ассирія

была еще незначительной провинціей, вавилонскій царь Гаммураби говоритъ въ своей надписи: «Когда боги дали мнѣ въ руки скипетръ, я вырылъ каналъ «Гаммураби—благословеніе народа», и онъ приноситъ воду изобилія для моего народа. Его берега по обѣ стороны я назначилъ для питанія; я разсыпалъ много мѣръ хлѣба. Проточныя воды создалъ я для моего народа; я собралъ многочисленныя его толпы; я создалъ для нихъ пищу и питье; я одарилъ ихъ благословеннымъ изобиліемъ; я позволилъ имъ жить въ пріятномъ жилищѣ. Съ этихъ поръ я, Гаммураби, сильный царь, любимецъ боговъ». Но борьбой съ хищными звѣрями и проведеніемъ каналовъ не исчерпывается дѣятельность царей въ интересахъ культурнаго развитія страны; они приручаютъ дикихъ животныхъ, акклиматизируютъ неизвѣстныя въ Ассиріи растенія, устраиваютъ хлѣбные запасы для народнаго продовольствія, заботятся объ улучшеніи скотоводства, возводятъ религіозныя и свѣтскія постройки. Надпись не разъ упомянутаго нами Тиглатъ-Пелизара довольно полно характеризуетъ эту дѣятельность. «Я возстановилъ дворцы и укрѣпленія на границахъ моей страны, которые со времени моихъ отцовъ были покинуты, распались и совершенно исчезли», говоритъ этотъ царь. «Я приказалъ вновь учредить всѣ запасные хлѣбные магазины по всей Ассиріи; я предписалъ насыпать запасы хлѣба въ тѣ, которые были построены при моихъ отцахъ. Я собралъ стада коней, рогатаго скота и ословъ, которыя я при помощи Ассура, моего господина, взялъ, какъ добычу рукъ своихъ, въ подчиненныхъ мною странахъ. Я собралъ стада оленей, горныхъ козловъ, каменныхъ барановъ, которыя любящіе меня боги по-

дарили мнѣ на охотѣ и которыя я захватилъ въ высокихъ горныхъ лѣсахъ; я считалъ ихъ число, какъ стадо овецъ. Молодыхъ козъ и ягнятъ, плоды ихъ тѣла, я съ восторгомъ въ сердцѣ ежегодно приносилъ въ жертву вмѣстѣ съ другими чистыми жертвенными животными богу Ассуру, моему господину. Кедры и другія деревья, такія деревья, какихъ во время раннихъ царей, моихъ отцовъ, никто не сажалъ, я взялъ изъ покоренныхъ мною странъ и посадилъ въ садахъ моей страны; я получилъ драгоцѣнные плоды, которые прежде не росли въ моей странѣ; я вырастилъ ихъ въ садахъ Ассиріи. Я присоединилъ новыя земли къ ассирійской землѣ и новые народы къ ея народу. Я улучшилъ положеніе моихъ народовъ и повелѣлъ имъ жить въ спокойной обители».

Но заботы внутренняго управленія были второстепеннымъ дѣломъ для ассирійскихъ царей; главной задачей ихъ дѣятельности всегда оставалась война, и по особенностямъ ассирійской исторіи отъ военной доблести царя зависѣло спокойствіе государства. Благодаря завоевательной политикѣ, Ассирія была окружена врагами, а жестокости по отношенію къ побѣжденнымъ не могли внушать населенію завоеванныхъ провинцій преданности къ завоевателямъ. Спокойствіе Ассиріи зависѣло отъ страха, который внушала сосѣдямъ и порабощеннымъ народамъ могущественная ассирійская армія, а сила арміи во всѣ времена зависитъ отъ ея вождя. Поэтому, пока престолъ занималъ воинственный государь, Ассирія была могущественною завоевательною державой и пользовалась спокойствіемъ внутри; но какъ только царская власть доставалась въ руки слабому и изнѣженному деспоту,

начинались придворныя революціи, завоеванныя области отпадали, государство подвергалось нападеніямъ извнѣ и приходило въ полный упадокъ. Ассирійскія надписи, которыя вообще не любятъ говорить о національныхъ бѣдствіяхъ, знакомятъ съ царями только первой категоріи, которые представляютъ одинъ общій типъ съ второстепенными личными особенностями. Образъ изнѣженнаго ассирійскаго властителя оставило намъ греческое сказаніе о Сарданапалѣ. Сарданапалъ—не историческое лицо, а произведеніе народной фантазіи, герой историческаго романа; но его наиболѣе вѣроятнымъ оригиналомъ былъ ассирійскій царь Ассурбанипалъ, жившій въ VII вѣкѣ до Р. Х. (669—626).

Ассурбанипалъ — чрезвычайно характерная фигура. Его можно назвать типическимъ царемъ Ассиріи, потому что онъ обладаетъ всѣми свойствами своихъ предшественниковъ и проявляетъ всѣ стороны ихъ дѣятельности; но онъ жилъ наканунѣ паденія Ассиріи и былъ представителемъ вырождавшейся династіи; поэтому на всей его личности лежитъ неизгладимая печать эпохи упадка. Ассурбанипалъ ведетъ много войнъ, но онъ лишенъ воинственности и не любитъ военныхъ трудовъ и опасностей. Его дѣдъ, Санхерибъ, описывая свои войны, говоритъ о самомъ себѣ: «черезъ пропасти и обрывы по малодоступнымъ проходамъ я переправлялся на носилкахъ, а гдѣ было слишкомъ круто для носилокъ, я взбирался на своихъ ногахъ. Подобно каменному барану, поднялся я на высокія горныя вершины противъ враговъ своихъ; мои колѣни были для меня ложемъ отдохновенія; я сидѣлъ на горныхъ скалахъ, утолялъ жажду водою

съ крутыхъ обрывовъ». Ассурбанипалъ точно такъ же получилъ военное воспитаніе: «я научился стрѣлять изъ лука, ѣздить верхомъ, управлять колесницей», говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ, но онъ не прилагалъ къ дѣлу этихъ познаній и даже никогда не принималъ личнаго участія въ войнахъ, предоставляя ихъ веденіе своимъ полководцамъ. Но, не любя военныхъ трудовъ, Ассурбанипалъ жаждалъ военной славы, приказывалъ изображать себя на военной колесницѣ и въ пышныхъ надписяхъ себѣ приписывалъ подвиги своихъ вождей и ихъ побѣды. Войны въ Ассиріи всегда сопровождались безчеловѣчными жестокостями; но у лучшихъ царей эти жестокости были политическимъ пріемомъ, хотя и неудачнымъ, преслѣдовали опредѣленную цѣль, хотя и плохо поставленную: разрушеніями городовъ и истребленіемъ людей думали навести страхъ на побѣжденныхъ и отнять у нихъ охоту къ возстаніямъ. Жестокости Ассурбанипала носятъ характеръ капризнаго и своевольнаго деспотизма, отличаются невѣроятной утонченностью и лишены .какой бы то ни было политической мысли. Такъ, когда при Санхерибѣ было подавлено возмущеніе единоплеменнаго ассирійцамъ Вавилона, то городъ былъ разрушенъ сообразно съ обычными политическими пріемами Ассиріи. Возстаніе повторилось при Ассурбанипалѣ и при особыхъ условіяхъ. При вступленіи на престолъ Ассурбанипалъ сдѣлалъ намѣстникомъ въ Вавилонѣ своего брата Самасъ-самукина, но онъ подъ вліяніемъ мѣстной знати отложился отъ Ассиріи. Для усмиренія возстанія Ассурбанипалъ отправилъ своего полководца, который осадилъ Вавилонъ и отрѣзалъ ему всякія

сообщенія со страною. Въ городѣ начался такой голодъ, что родители поѣдали своихъ дѣтей, а за голодомъ послѣдовала чума. Тогда вавилоняне возмутились противъ своихъ правителей, живыми сожгли Самасъ-самукина и другихъ виновниковъ возстанія и сдали городъ ассирійскому полководцу. Такимъ образомъ виновные потерпѣли жестокое наказаніе и въ дальнѣйшихъ карахъ не представлялось никакой надобности; тѣмъ не менѣе начались страшныя свирѣпости, и Ассурбанипалъ въ гордой надписи приписываетъ своему благочестію эту безцѣльную кровожадность. «Тѣ, которые не были сожжены съ Самасъ-самукиномъ,—говоритъ онъ,—бѣжали передъ остріемъ меча, передъ ужасомъ голода и передъ пожирающимъ пламенемъ, ища себѣ убѣжища. Гнѣвъ великихъ боговъ, моихъ властителей, не былъ отклоненъ и тяготѣлъ на нихъ: никто не ускользнулъ, никто не былъ пощаженъ, всѣ попали въ мои руки. Ихъ военныя колесницы, ихъ вооруженіе, ихъ жены, сокровища ихъ дворцовъ,—все было принесено ко мнѣ. У тѣхъ людей, которые составляли заговоры противъ меня и противъ Ассура, моего господина, я вырвалъ языки и завершилъ ихъ гибель. Прочіе живыми были выставлены передъ каменными быками, воздвигнутыми отцомъ моего отца; я приказалъ ихъ бросить въ ровъ, я отрѣзалъ ихъ члены, я отдалъ ихъ въ пищу собакамъ, дикимъ звѣрямъ, хищнымъ птицамъ, животнымъ неба и водъ. Совершивъ все это, я порадовалъ великихъ боговъ, моихъ властителей». Послѣднія слова этой надписи чрезвычайно характерны. Ассирійская религія, какъ мы увидимъ, не отличалась большой мягкостью; но ассирійскіе цари,

гордясь своими жестокостями, видѣли въ нихъ источникъ своей славы, а не проявленіе своего благочестія. Ассурбанипалъ—ханжа; никакого дѣла не начинаетъ онъ, не посовѣтовавшись предварительно съ раболѣпными гадателями и снотолкователями. Эти совѣтники одобряли всякое желаніе царя, и поэтому Ассурбанипалъ считалъ себя любимцемъ боговъ и называлъ всякій свой капризъ, включая сюда

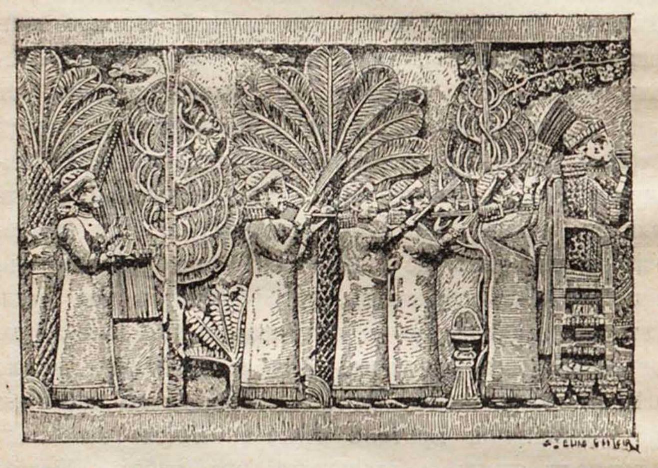

Рис. 1. Пиръ Ассурбанипала въ любимой имъ бесѣдкѣ.

и жестокости, служеніемъ божеству, благочестивымъ исполненіемъ его воли.

Но если жестокости Ассурбанипала не были обязательнымъ требованіемъ религіи, то онѣ не оправдывались и политическими потребностями, какъ это видно изъ ихъ характера. Предыдущіе цари производили казни побѣжденныхъ враговъ на мѣстахъ побѣды, желая внушить страхъ мѣстному населенію

и этимъ удержать его въ повиновеніи. Ассурбанипалъ, не участвуя въ войнахъ и не выѣзжая изъ столицы, желаетъ тѣмъ не менѣе лично насладиться послѣдствіями побѣды и доставить такое же наслажденіе столичному населенію и мирнымъ жителямъ Ассиріи. Поэтому онъ вытребываетъ себѣ трупы побѣжденныхъ царей, развѣшиваетъ ихъ головы въ Ниневіи, а трупы разсѣкаетъ на куски, которые разсылаются по всѣмъ городамъ Ассиріи. Получивъ голову побѣжденнаго царя Сузы, онъ приказалъ отпрепарировать ее, а затѣмъ повѣсилъ на деревѣ въ любимой бесѣдкѣ, гдѣ чаще всего происходили его пиры, и повелѣлъ изобразить такой пиръ на барельефѣ. Послѣ одной побѣды онъ выѣхалъ въ храмъ, благодарить боговъ, на колесницѣ, запряженной тремя побѣжденными царями. Иногда это издѣвательство надъ живыми доходило до чисто дьявольской жестокости. Одинъ владѣтель въ южной Месопотаміи возсталъ противъ Ассиріи, но былъ побѣжденъ и убитъ, а сыновья его попались въ плѣнъ. Ассурбанипалъ потребовалъ къ себѣ убитаго и плѣнныхъ сыновей и приказалъ имъ на площади собственноручно разрѣзать на куски трупъ своего отца.

То же самое обнаруживается и на отношеніи Ассурбанипала къ охотѣ. Съ развитіемъ культурной жизни въ Месопотаміи, когда дикіе звѣри перестали быть грозой для населенія, охота утратила прежнее значеніе и превратилась въ забаву, и Ассурбанипалъ, не любившій опасной войны, съ удовольствіемъ предается безопасной охотѣ за звѣрями, которыхъ содержатъ для него въ звѣринцахъ, и съ гордостью изображаетъ свой воинственный видъ во время праздной забавы.

Надписи Ассурбанипала ничего не говорятъ о его предпріятіяхъ для поднятія матеріальной культуры въ странѣ. Повидимому, онъ не проводилъ каналовъ и не проявлялъ заботъ ни о земледѣліи, ни о торговлѣ; но онъ обнаруживаетъ необыкновенный интересъ къ наукѣ, и это составляетъ единственную свѣтлую сторону его дѣятельности. Ассурбанипалъ,

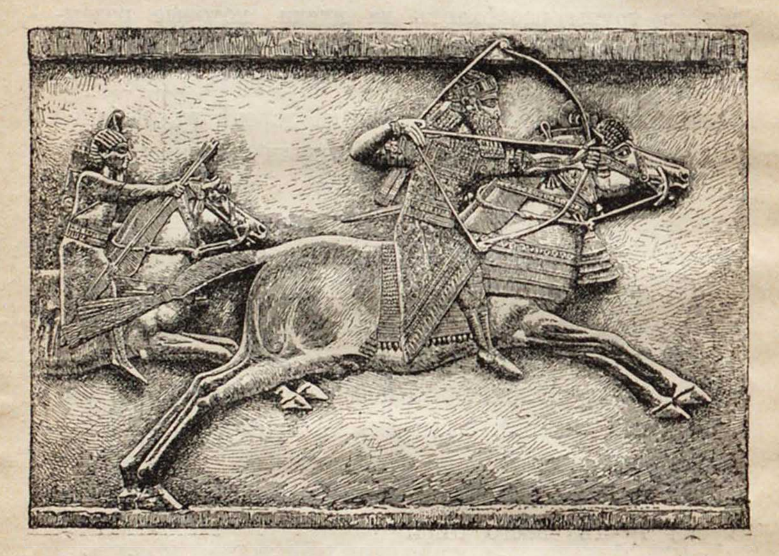

Рис. 2. Ассурбанипалъ на охотѣ.

какъ кажется, получилъ своеобразное воспитаніе. «Я воспринялъ мудрость бога Небо», говоритъ онъ въ одной надписи, «я усвоилъ все содержаніе написанныхъ книгъ, всѣ свѣдѣнія художниковъ». Конечно, эти хвастливыя слова заключаютъ въ себѣ несомнѣнно преувеличеніе, но также несомнѣнно, что дѣйствительно Ассурбанипалъ любилъ науки, и искус-

ства. Въ его дворцѣ была собрана обширная библіотека и настоящій музей, и, что особенно характерно, эти собранія не были награблены. Необузданный и жестокій деспотъ чувствовалъ нѣкоторое уваженіе къ сокровищамъ науки и искусства; поэтому, истребивъ жителей Вавилона, онъ пощадилъ его зданія и, собирая дворцовую библіотеку, не грабилъ провинціальныхъ книгохранилищъ, а приказывалъ переписывать и дополнять ихъ содержаніе. Эта «библіотека царя Ассурбанипала», написанная на глиняныхъ и каменныхъ доскахъ, была откопана много тысячелѣтій спустя современными намъ археологами и послужила источникомъ извѣстности Ассурбанипала и его Немезидой. Своимъ собраніемъ Ассурбанипалъ оказалъ большую услугу новой наукѣ, доставивъ ей одинъ изъ богатѣйшихъ источниковъ для исторіи древней Ассиріи, но это же собраніе ознакомило насъ и съ непривлекательной личностью ея обладателя и дало возможность вполнѣ выяснить изнѣженную и кровожадную натуру выродившагося деспота.

IV.

Ассиро-вавилонская культура. Вліяніе національнаго характера ассирійцевъ на ихъ искусство. Саргоновъ дворецъ. Сюжеты ассирійской скульптуры. Изображеніе людей и животныхъ.

Культурныя стремленія Ассурбанипала были не выраженіемъ ясно сознаннаго долга передъ страной, а такимъ же капризомъ деспота, какъ и его политика. Тѣмъ не менѣе они показываютъ, что въ воинственной Ассиріи культура стояла настолько высоко, что

могла воспитывать, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ классахъ, научныя и художественныя стремленія. Дѣйствительно, памятники и показанія древнихъ писателей и еврейскихъ пророковъ свидѣтельствуютъ, что въ Месопотаміи весьма высоко стояло промышленное развитіе, что вавилонскія ткани пользовались извѣстностью на всемъ востокѣ и такую же репутацію имѣли металлическія издѣлія, при чемъ ассиро-вавилоняне приготовляли изъ металла даже предметы домашняго употребленія, ножи и вилки, которыми въ Европѣ стали пользоваться только въ концѣ среднихъ вѣковъ. Благопріятное географическое положеніе Месопотаміи содѣйствовало ея торговому развитію, и пророкъ Іезекіиль называетъ Халдею «страною торговли», а пророкъ Наумъ говоритъ, что ниневійскіе купцы многочисленнѣе звѣздъ небесныхъ. Но не въ торговлѣ и не въ промышленности вполнѣ проявился народный геній месопотамскихъ семитовъ, и въ этомъ отношеніи ихъ далеко оставили за собою ихъ финикійскіе соплеменники. Сравнительно весьма высоко стояла и ассиро-вавилонская наука, неразрывно связанная на востокѣ съ цѣлями практической жизни. Астрономическія наблюденія производились въ Вавилонѣ за нѣсколько тысячелѣтій до нашей эры, и мѣстные астрономы умѣли весьма точно вычислять солнечныя и лунныя затменія. Полагаютъ даже, что при этихъ наблюденіяхъ пользовались зрительными снарядами, такъ какъ въ Ассиріи знали такія небесныя свѣтила, которыя недоступны невооруженному глазу, умѣли отличать планеты отъ звѣздъ, были знакомы съ солнечными пятнами, а въ раскопкахъ найдено было нѣчто въ родѣ лупы. Но вся эта астро-

номія представляла собой только астрологію, т.-е. была вызвана не безкорыстнымъ желаніемъ изучить небесныя свѣтила, а стремленіемъ съ ихъ помощью проникнуть въ волю божества и такимъ путемъ вѣрнѣе достигать задуманныхъ цѣлей. Астрономическія наблюденія имѣли тотъ же самый смыслъ, какъ разные сонники и собранія различныхъ примѣтъ, занимавшія видное мѣсто въ ассиро-вавилонской литературѣ. Такое же практическое значеніе имѣли списки растеній, животныхъ и минераловъ, составленные съ довольно остроумной классификаціей, а также грамматическія таблицы и словари. Въ силу узко-утилитарнаго направленія этихъ сторонъ ассиро-вавилонской культуры, основная черта національнаго характера месопотамскихъ семитовъ отразилась здѣсь поверхностно и чисто внѣшнимъ образомъ. Такъ, оружіе занимаетъ первое мѣсто среди металлическихъ издѣлій, примѣты относительно войны и охоты составляютъ существенную сторону содержанія гадательной литературы. Гораздо тѣснѣе связь съ національнымъ характеромъ такихъ сторонъ культуры, какъ искусство и религія, въ которыхъ проявляются самые глубокіе тайники народнаго духа.

Ассиро-вавилонское искусство въ гораздо большей степени носитъ свѣтскій характеръ, чѣмъ египетское. Такъ, въ египетской архитектурѣ первое мѣсто занимаетъ могила, послѣднее — дворецъ; въ Ассиро-Вавилоніи на первомъ мѣстѣ дворецъ, а на послѣднемъ могила, и по понятной причинѣ. Трезвый практическій ассиріецъ больше думаетъ о земной, чѣмъ о загробной жизни, и, какъ настоящій солдатъ, равнодушенъ къ смерти. Совершенно естественно по-

этому, что главное произведеніе архитектуры было посвящено тому, кто стоялъ во главѣ арміи и былъ главою государства. Итакъ, уже самый предметъ архитектуры весьма характеренъ для Ассиріи; не менѣе характеренъ и матеріалъ, которымъ почти исключительно пользовалась архитектура. Всѣ постройки въ Ассиро-Вавилоніи сооружались изъ необожженной глины, которую очищали, смѣшивали съ рубленой соломой, потомъ прибавляли воды, растаптывали ногами и дѣлали кирпичи, которые высушивались на солнцѣ. Позже появляются обожженные и даже эмалированные кирпичи, но они служатъ только для облицовки и украшенія зданій. Такой строительный матеріалъ отличался крайней непрочностью, но на югѣ Месопотаміи, гдѣ началась ассиро-вавилонская культура, другого не было. Въ Ассиріи условія для развитія архитектуры были болѣе благопріятны, такъ какъ тамъ находился въ изобиліи известнякъ и другіе удобные для построекъ сорта камня. Тѣмъ не менѣе строительнымъ матеріаломъ оставалась необожженная глина, и въ этомъ проявились національныя особенности сѣверныхъ семитовъ. Солдатская Ассирія, занятая войнами и погруженная въ матеріальные интересы, цѣликомъ заимствовала духовную культуру съ юга. Оттуда пришли и художники съ своими архитектурными традиціями и привычками, которыя оказались очень подходящими къ ассирійскимъ порядкамъ. Главной постройкой оставался дворецъ, который нужно было возводить съ большою поспѣшностью. Ниневійскіе властители требовали, чтобы каждое ихъ приказаніе исполнялось съ военной быстротой, которая въ этомъ случаѣ была для нихъ особенно

желательна. По обычаю, каждый царь, по вступленіи на престолъ, строилъ себѣ новый дворецъ и навѣрное

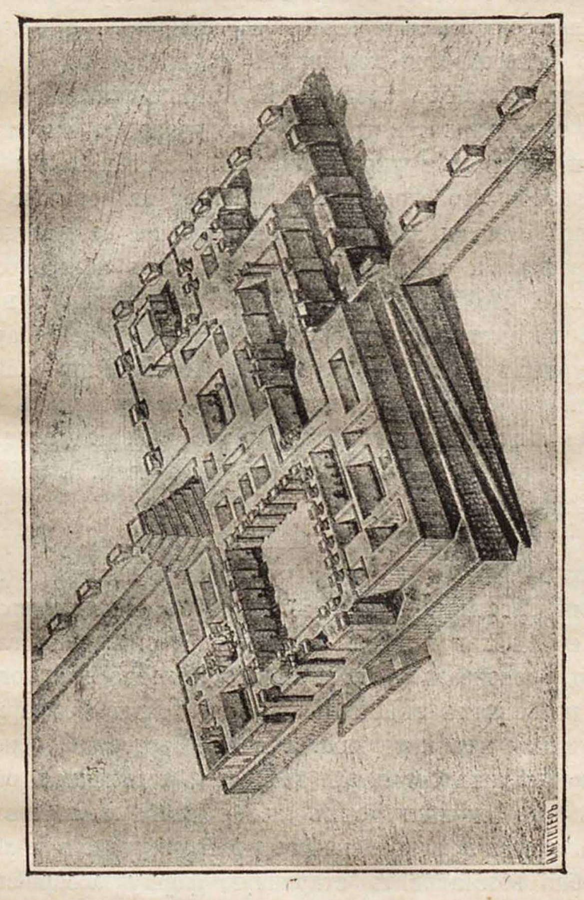

Рис. 3. Видъ дворца Саргона.

желалъ поскорѣе получить для себя помѣщеніе, достойное своего новаго положенія. Глиняная постройка представляла много удобствъ для быстраго соору-

женія, такъ какъ она не требовала опытныхъ рабочихъ и вообще была гораздо легче въ техническомъ отношеніи. Поэтому ассиро-вавилонскіе строители употребляли плохой матеріалъ тамъ, гдѣ безъ труда можно было пользоваться хорошимъ.

Подъ вліяніемъ ассирійской воинственности сложилась также архитектурная форма дворца и его внѣшнія и внутреннія украшенія. Къ сожалѣнію, крайнее несовершенство строительнаго матеріала оказало въ высшей степени неблагопріятное вліяніе на прочность построекъ, а слѣдовательно и на ихъ историческое изученіе. По мѣткому выраженію современнаго историка искусства, для прекращенія существованія архитектурныхъ памятниковъ въ Египтѣ нуженъ убійца, а для поддержанія жизни ассиро-вавилонскихъ построекъ необходимъ врачъ. Но ассирійскіе дворцы и среди современниковъ находили не врачей, а убійцъ, такъ какъ каждый новый царь при сооруженіи себѣ жилища лишалъ облицовки и украшеній дворецъ своего предшественника, а позднѣйшіе полудикіе обитатели Месопотаміи не могли быть такими врачами, если бы и хотѣли. Поэтому необожженная глина легко расползалась, и новѣйшіе археологи находятъ при раскопкахъ вмѣсто построекъ только безформенныя массы ихъ матеріала. Тѣмъ не менѣе, на основаніи кое-какихъ остатковъ дворцовъ, а главнымъ образомъ ихъ скульптурныхъ изображеній и литературныхъ описаній, современнымъ ученымъ удалось правдоподобно возстановить старинную форму ассирійскаго дворца. Образцомъ такихъ построекъ можетъ служить реставрація загороднаго дворца, построеннаго около Ниневіи царемъ Саргономъ, который жилъ

отъ 722 до 705 года до Р. Х. Это было огромное зданіе, занимавшее около десятины земли и заключавшее въ себѣ, кромѣ жилища царя, его женъ, наслѣдника и дворцовой прислуги, также храмъ, или *зигуратъ*, какъ его обыкновенно называютъ. По своему назначенію Саргоновъ дворецъ—мирное жилище царя, построенное внутри страны, около столицы,

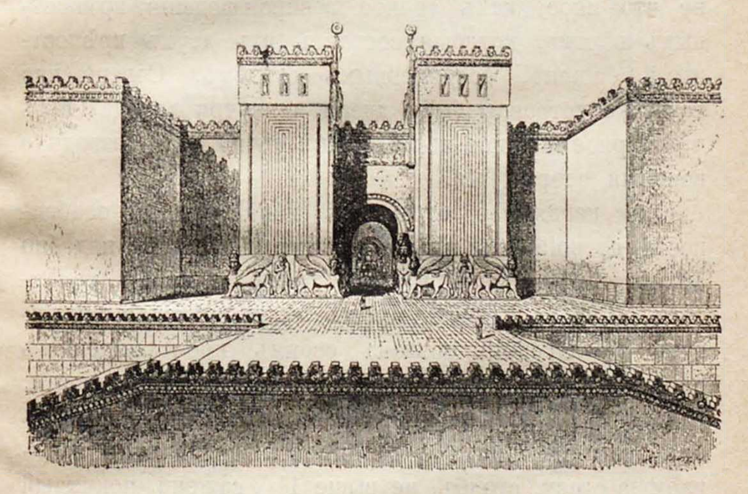

Рис. 4. Главныя ворота Саргонова дворца.

среди спокойнаго населенія; по формѣ—это настоящая крѣпость, при чемъ военный характеръ отражается на всей постройкѣ до ея малѣйшихъ украшеній. Прежде всего дворецъ окруженъ двойною стѣной съ крѣпостными башнями и не только на наружной стѣнѣ, но даже и на внутренней. Башни и стѣны заканчиваются крѣпостными зубцами, которые замѣняютъ также карнизъ на домахъ и на храмѣ.

Стѣны домовъ почти ничѣмъ не отличаются отъ наружной ограды: онѣ лишены оконъ, такъ что свѣтъ проникаетъ внутрь зданія только чрезъ двери или сквозь отверстія въ потолкѣ, и отличаются такою толщиной, что комнаты напоминаютъ могильные склепы. Самую главную часть дворцоваго фасада составляетъ входъ во дворецъ; но этотъ парадный входъ не что иное, какъ точное воспроизведеніе крѣпостныхъ воротъ, которыя состоятъ изъ двухъ крѣпостныхъ башенъ, соединенныхъ сводомъ. Совершенно такъ же устроены были двери и внутри дворца, такъ что мирное жилище царя вполнѣ точно воспроизводило военныя сооруженія.

Еще нагляднѣе отражаетъ національныя особенности ассирійцевъ ихъ скульптура, которая подобно архитектурѣ носитъ гораздо болѣе свѣтскій характеръ, чѣмъ въ Египтѣ. Прежде всего свѣтская скульптура въ Ассиріи обязана своимъ происхожденіемъ царю и отчасти спеціально его военной дѣятельности. Покоривъ какую-нибудь страну, царь ставилъ тамъ или дома на память о своемъ торжествѣ такъ называемую стелу, столбъ, не выше $1^1/_2$ сажени, покрытый рельефными изображеніями. Такія стелы, встрѣчающіяся въ Персіи и въ Малой Азіи, представляютъ собою единственный зачатокъ самостоятельной скульптуры, такъ какъ другіе ея виды—статуи и рельефы—служили преимущественно архитектурной декораціей. Ассирійскія статуи, въ большинствѣ случаевъ обработанныя только спереди и плоскія сзади, всегда приставлялись къ стѣнѣ и встрѣчаются сравнительно рѣдко. Самый распространенный видъ ассирійской скульптуры—рельефы, въ изобиліи покрывавшіе стѣ-

ны царскаго дворца, и на ихъ сюжетѣ съ полной наглядностью проявилась ассирійская воинственность.

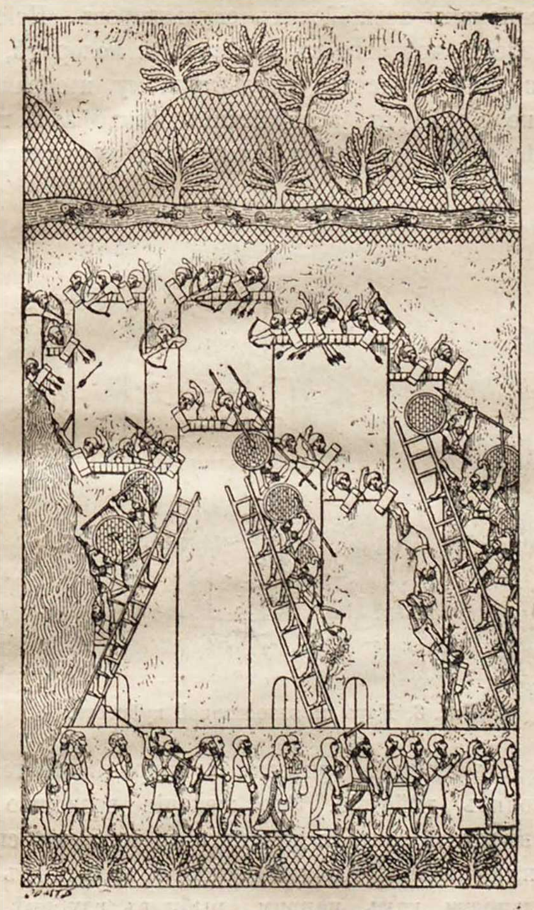

Рис. 5. Штурмъ крѣпости.

Огромное большинство дошедшей до насъ массы рельефовъ изображаетъ, какъ царь воюетъ или какъ

онъ беретъ крѣпость. Это послѣднее изображеніе (рис. 5) даетъ ясное представленіе и о художественныхъ пріемахъ ассирійскихъ скульпторовъ. Пейзажъ, вся прелесть котораго въ краскахъ и колоритѣ, какъ извѣстно, не поддается скульптурному изображенію, тѣмъ не менѣе въ ассирійскихъ рельефахъ весьма часто фигурируютъ деревья, которыми художникъ же-

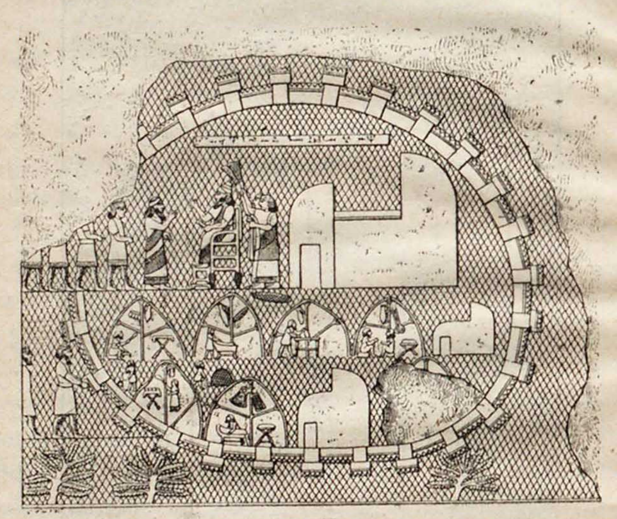

Рис. 6. Царь въ завоеванной крѣпости.

лаетъ дать понятіе зрителю о природѣ мѣста, гдѣ происходитъ дѣйствіе. Это желаніе возможно полнѣе освѣдомить зрителя доходитъ до того, что скульпторъ изображаетъ то, чего нельзя видѣть въ дѣйствительности, какъ, наприм., рыбу въ глубинѣ рѣки. Иногда заботливость художника въ этомъ отношеніи доходитъ до крайней степени наивности, свойственной дѣтскимъ рисункамъ. Такъ, изображая на релье-

фѣ, какъ царь принимаетъ побѣжденныхъ въ завоеванной крѣпости, онъ показываетъ и палатки и то, что въ нихъ дѣлается, а чтобы крѣпостныя башни не загораживали вида, онъ въ нижней части рисунка ихъ опрокидываетъ. (Рис. 6). Но результаты побѣды обыкновинно изображаются болѣе опредѣленно. На ниже приведенномъ рисункѣ (рис. 7), изображающемъ рельефъ на одной стелѣ, на-ряду съ рабской покорностью побѣжденныхъ представлена и полученная отъ нихъ военная добыча. Послѣ военныхъ сценъ самымъ распространеннымъ сюжетомъ ассирійскаго рельефа является охота, причемъ обнаруживается рѣзкая и весьма характерная разница въ изображеніи людей и животныхъ.

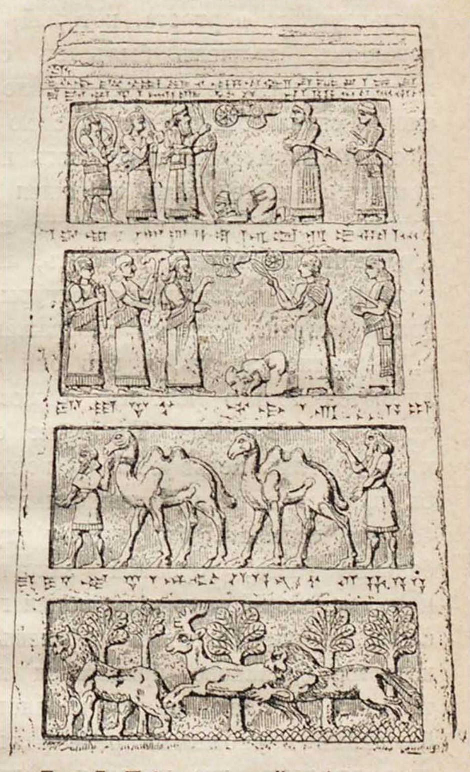

Рис. 7. Пріемъ военной добычи.

Ассирійскіе художники въ изображеніи человѣческихъ фигуръ были далеки отъ совершенства и зна-

чительно уступали египетскимъ, что зависѣло прежде всего отъ ихъ неумѣнія воспроизводить природу. Ассирійскій скульпторъ, какъ и египетскій, началъ съ подражанія природѣ, но его религія не требовала скульптурнаго портрета, который, по египетскимъ вѣрованіямъ, долженъ былъ въ случаѣ уничтоженія муміи замѣнять человѣческое тѣло, когда душа послѣ смерти снова возвратится въ свою прежнюю оболочку. Поэтому въ Ассиріи художникъ пересталъ наблюдать природу раньше, чѣмъ научился точно ее воспроизводить. Ассирійская скульптура не знаетъ портрета, его мѣсто занимаетъ шаблонъ, по которому изготовлялись всѣ человѣческія фигуры. На прилагаемомъ далѣе рисункѣ (рис. 8) изображены: божество, царь и, вѣроятно, жрецъ, и всѣ они на одно лицо и отличаются только ростомъ: божество выше царя, а царь повыше жреца. Такое же сходство замѣчается и на другихъ рельефахъ: у всѣхъ фигуръ обильная съ правильно расположенными завитками прическа и борода, низкій лобъ, густыя дугообразныя брови, большіе глаза, горбатый, закругленный на концѣ, носъ, маленькій ротъ и мясистыя губы. Въ скульптурѣ сложился опредѣленный образецъ мужской красоты, который одинаково прилагался какъ къ божеству, такъ и къ царю, и къ военноплѣнному рабу. На большихъ и сложныхъ рельефахъ разница заключалась въ томъ, что царская и другія болѣе важныя фигуры лучше отдѣланы, чѣмъ изображеніе побѣжденныхъ: очевидно, первыя выполнялись художниками, послѣднія—ихъ учениками или простыми ремесленниками.

Другая причина, препятствовавшая развитію асси-

рійской скульптуры, заключалась въ томъ, что художнику трудно было наблюдать обнаженное тѣло. По словамъ отца исторіи, Геродота, въ Ассиро-Вавилоніи считалось постыднымъ даже для мужчинъ обнажать свое тѣло передъ посторонними; поэтому художники наблюдали одѣтую фигуру и не могли вполнѣ изучить пропорцій человѣческаго тѣла, вслѣд-

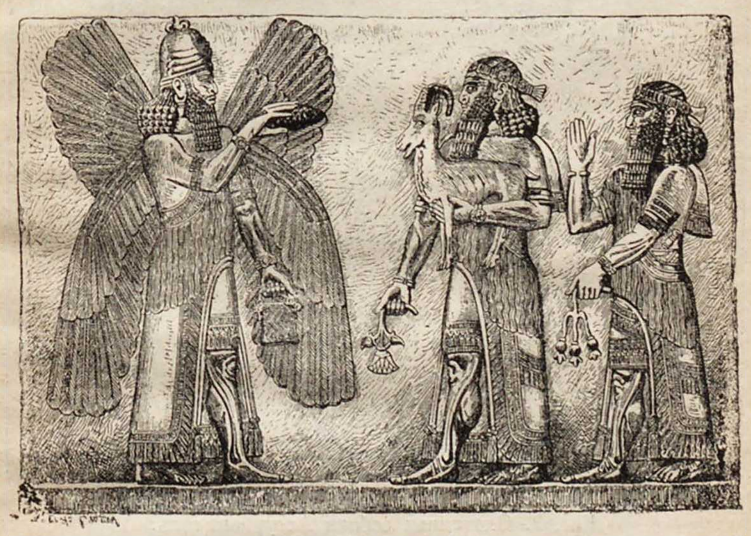

Рис. 8. Царское жертвоприношеніе: богъ, царь, жрецъ.

ствіе чего оно всегда слишкомъ коротко, неуклюже и массивно. Но тамъ, гдѣ тѣло обнажено, какъ на рукахъ и ногахъ, художникъ внимательно къ нему присматривался и въ общемъ правильно обрисовывалъ форму мускуловъ, при чемъ чрезвычайно увеличивалъ ихъ размѣры, и это весьма характерно. Невѣроятно развитая мускулатура рукъ и ногъ—при-

надлежность всякой человѣческой фигуры въ ассирійской скульптурѣ; очевидно, этотъ признакъ чрезмѣрной физической силы такъ наивно подчеркивался потому, что считался необходимымъ свойствомъ настоящаго человѣка по воззрѣніямъ воинственнаго народа.

Рис. 9. Охотничьи собаки Ассурбанипала.

Но если человѣческая фигура не удавалась ассирійскому художнику, то въ изображеніи животныхъ и особенно тѣхъ, которыя, какъ собака и левъ, играютъ главную роль на охотѣ, онъ достигъ высокой степени совершенства. Ассиріецъ съ необыкновенной любовью и старательностью изучалъ не только внѣшнія формы, но и характеръ собаки и съ замѣчательнымъ мастерствомъ изображалъ ея ожесточеніе

при погонѣ за дикимъ звѣремъ, вѣроятно, потому что ощущалъ въ себѣ похожее настроеніе во время битвы. Еще болѣе интереса внушалъ ему левъ, охота за которымъ—обычный сюжетъ ассирійской скульптуры. Художникъ съ невѣроятной заботливостью изучалъ

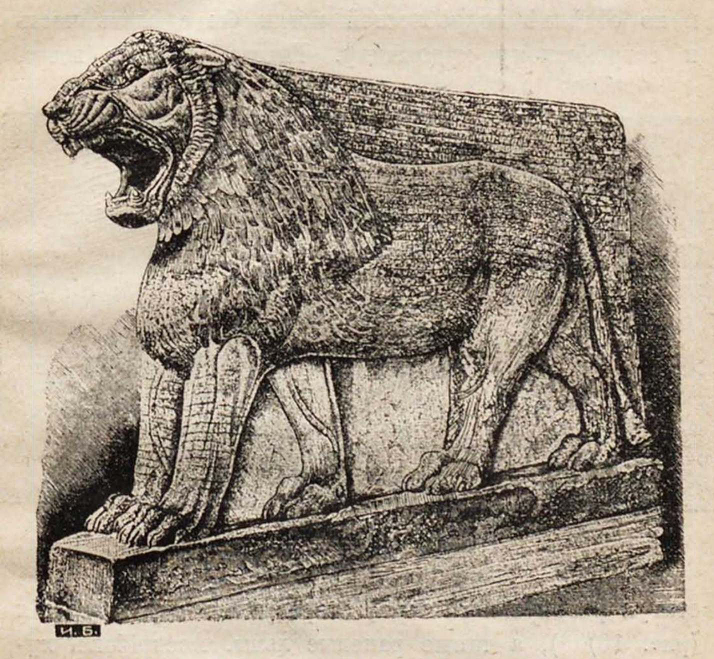

Рис. 10. Разъяренный левъ.

тѣло льва и представилъ въ скульптурѣ всю исторію этого животнаго. Левъ изображается въ клѣткѣ и на свободѣ, спокойный и разъяренный. Левъ и его части служатъ любимымъ украшеніемъ на мебели, на металлическихъ издѣліяхъ и на предметахъ изъ камня и изъ глины. Слѣдствіемъ этого необычай-

наго интереса и въ высшей степени старательнаго изученія льва было превосходное его изображеніе. Левъ — не только лучшее произведеніе ассирійскаго искусства, но нѣкоторыя его статуи и рельефы по удачному выбору момента, по вѣрности положенія и по отдѣлкѣ подробностей могли бы сдѣлать честь и современному художнику. Такова, прежде всего,

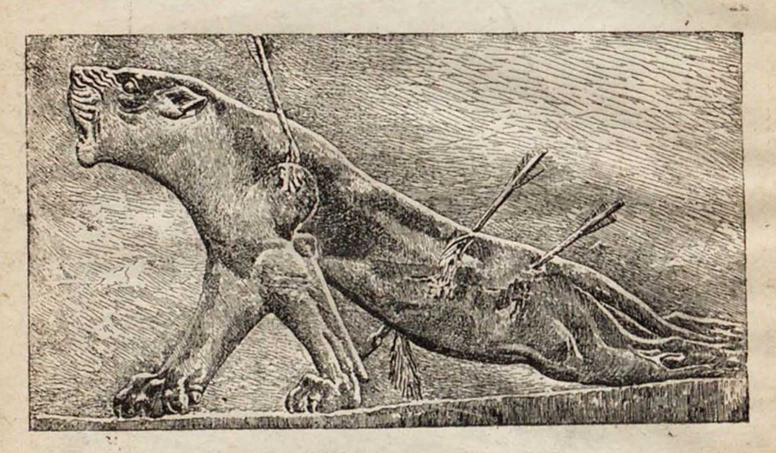

Рис. 11. Раненая львица.

статуя разъяреннаго льва, стерегущаго ворота зданія (рис. 10) *), а также раненые львы. Ассирійскій художникъ какъ будто чувствуетъ къ страдающему животному нѣкоторую симпатію, какой никогда не

*) Исполненіе этой фигуры представляетъ интересныя особенности. Прежде всего передняя часть льва—статуя, а задняя—высокій рельефъ высѣченный изъ той же каменной глыбы. Кромѣ того, у льва пять ногъ для того, чтобы зрителю, который подходилъ къ воротамъ прямо, левъ казался стоящимъ, а подходившему сбоку—идущимъ.

замѣтно по отношенію къ человѣку. Особенно это состраданіе проявляется на статуѣ раненой львицы (рис. 11).

Кромѣ царскихъ побѣдъ надъ людьми и звѣрями, ассирійская скульптура изображаетъ, какъ царь служитъ богамъ и пируетъ дома по возвращеніи изъ похода. Но эти изображенія встрѣчаются рѣже и только на внутренней сторонѣ дворцовыхъ стѣнъ. Снаружи для народа изображалась только война и охота, т.-е. то, что служило главнымъ источникомъ славы для повелителя воинственнаго народа и что доставляло самый пріятный сюжетъ для зрителя.

V.

Ассиро-Вавилонская религія. Главные боги и злые духи. Религіозныя сказанія о происхожденіи міра и культуры. Преданія о потопѣ. Издубаръ и борьба титановъ съ богами. Воззрѣнія на загробную жизнь.

Великая евангельская истина, гласящая, что не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ, представляетъ собою не только нравственное предписаніе, но также несомнѣнный историческій фактъ. Мы не знаемъ народа въ исторіи, который жилъ бы исключительно матеріальными интересами; у каждаго народа есть духовныя стремленія, и въ древнѣйшія эпохи эта духовная пища исчерпывалась религіей, которая тогда удовлетворяла и тѣмъ потребностямъ, которыя въ настоящее время удовлетворяются философіей, наукой, искусствомъ и литературой. Месопотамскіе семиты въ этомъ отношеніи не составляли исключенія,

и они выработали религію, которая отвѣчала на ихъ духовные запросы; но ассиро-вавилонскіе боги были созданы по образу и подобію мѣстнаго населенія, и потому его національныя особенности съ полной ясностью отразились и на его религіи.

Ассиро-вавилонская религія сложилась на югѣ Месопотаміи и образовалась изъ вѣрованій двухъ народовъ: сумеровъ, исконнаго населенія этой мѣстности, и пришлыхъ семитовъ или халдеевъ. Тысячи за двѣ лѣтъ до Р. Х. эти различныя вѣрованія приведены были въ систему, хотя и не особенно стройную и ясную. Изъ массы различныхъ боговъ были выдѣлены 12 первостепенныхъ, которые создали міръ, устроили его и имъ управляли. Всѣ эти боги были сначала олицѣтвореніемъ явленій природы, а потомъ управляли этими явленіями, а также различными сторонами государственной жизни и духовной жизни отдѣльнаго человѣка. Такъ, Ану былъ первоначально, вѣроятно, божествомъ неба. Извѣстный Бэлъ или Ваалъ рано утратилъ прежнее значеніе бога солнца и сталъ покровителемъ войнъ и охоты. Ваалъ полнѣе всего отразилъ ассирійскую воинственность: это божество—жестокое и кровожадное, и его гнѣвъ можно отвратить только человѣческими жертвами. Полную противоположность Бэла представляетъ самое привлекательное изъ всѣхъ ассирійскихъ божествъ—богъ Эа, котораго изображали съ 4 крыльями *). Эа—покро-

*) Прилагаемый рисунокъ показываетъ большую неопытность ассирійскихъ художниковъ въ изображеніи человѣческой фигуры: вся фигура изображена лицомъ къ зрителю (en face), а ноги бокомъ (въ профиль)—положеніе, совершенно невозможное въ дѣйствительности.

витель культуры, богъ мудрости и правды; подъ его вѣдѣніемъ находятся каналы, составлявшіе источникъ благоденствія въ Месопотаміи; онъ покровительствуетъ земледѣльцамъ, рыбакамъ, мореплавателямъ, онъ богъ искусства вообще и въ частности скульптуры, и его называютъ „разумнымъ руководителемъ, властителемъ, видимаго міра, господиномъ наукъ, славы и жизни". Къ нему обращаются за совѣтомъ боги и люди, и его совѣты на благо человѣчеству. Эа на баркѣ плаваетъ вокругъ всей земли для наблюденія за исполненіемъ людьми божественныхъ законовъ и для наказанія преступниковъ. Повидимому, образъ Эа былъ весьма привлекателенъ и для самихъ ассирійцевъ. По крайней мѣрѣ, изображенія боговъ встрѣчаются въ ассирійскомъ искусствѣ сравнительно рѣдко, а

Рис. 12. Крылатый геній.

крылатый геній—любимая тема ассирійскихъ художниковъ.

Эти три божества составляли главную троицу ассиро-вавилонскихъ боговъ; слѣдующую группу составляли три ихъ сына—боги луны (Синъ), солнца (Самасъ) и разныхъ атмосферическихъ явленій: грозы, бурь, дождей и т. п. (Рамману). У каждаго изъ боговъ есть жена, составлявшая его дополненіе. Но жены боговъ не играли важной роли въ религіи: о нихъ не было сказаній и имъ не воздавали особыхъ почестей. Гораздо важнѣе были божества пяти планетъ, извѣстныхъ ассирійскимъ астрономамъ. Ассиро-Вавилонія была родиной чрезвычайно живучаго и необыкновенно распространеннаго предразсудка—о вліяніи свѣтилъ небесныхъ на жизнь человѣка. Совершенно естественно, что боги, управлявшіе планетами, пользовались у ассирійцевъ особеннымъ почитаніемъ. Изъ этихъ планетныхъ божествъ особенно замѣчательна богиня Истарь. Истарь, изображеніе которой финикійскіе купцы распространили далеко за предѣлы Азіи, была олицетвореніемъ Венеры и отличалась двойственной натурой. Такъ какъ Венера бываетъ видима или раннимъ утромъ, до восхода солнца, или вечеромъ, вскорѣ послѣ его заката, то Истарь считалась предшественницей солнца и луны; отсюда и произошла двойственность ея характера. Какъ богиня утренней Венеры, Истарь—покровительница дневного труда, т.-е. войны и охоты, самаго важнаго и самаго достойнаго дѣла для ассирійца; поэтому она отличается воинственностью и кровожадною жестокостью. Но на-ряду съ этимъ она—богиня любви, плодородія, нѣжная жена и любящая мать, воплощеніе выс-

шей гуманности, къ какой были способны ассирійцы. Съ этимъ послѣднимъ значеніемъ Истари связано сказаніе о ея нисхожденіи въ адъ, самый поэтичный миѳъ ассиро-вавилонской религіи. Дамуза, супруга Истари, смертельно ранилъ кабанъ, и чтобы его спасти, необходимо было омыть его раны живой водой изъ источника, текущаго въ подземномъ царствѣ, въ жилищѣ мертвыхъ. Но проникнуть въ адъ нельзя безнаказанно даже и божеству; тѣмъ не менѣе Истарь рѣшилась во что бы то ни стало добыть чудесной воды, чтобы оживить мужа и сдѣлать его безсмертнымъ, и отправилась въ подземное царство. Смѣло постучалась богиня въ крѣпко запертыя адскія ворота, грозя разрушить всѣ преграды, если ей не дадутъ свободнаго пропуска. Испуганный привратникъ проситъ Истарь подождать, пока онъ испроситъ для нея разрѣшенія у богини Аллатъ, царицы подземнаго міра. Разрѣшеніе дано, и Истарь послѣдовательно проходитъ черезъ семь воротъ, при чемъ въ каждомъ проходѣ съ нея снимаютъ часть ея одѣянія и украшеній, такъ что она является въ адъ совершенно обнаженной. Раздраженная и негодующая, она набрасывается на адскую царицу съ упреками за то, что она подвергаетъ мученіямъ людей, и бурно требуетъ отъ нея живой воды. Тогда Аллатъ, въ свою очередь, освирѣпѣла и приказала поразить каждый членъ Истари отдѣльною болѣзнью, такъ что та не была уже въ состояніи выйти изъ подземнаго царства. Вслѣдствіе этого на землѣ начались великія бѣдствія: исчезла любовь, прекратились браки, перестали рождаться люди и животныя, земля стала безплодной и посѣвы не давали болѣе урожая. Тогда благодѣтельный богъ

Эа сжалился надъ несчастными людьми и отправилъ въ адъ полубожественнаго посла, чтобы требовать отъ Аллатъ освобожденія Истари и живой воды для ея мужа. Адская богиня пришла въ крайнее негодованіе отъ этого требованія, гнала вонъ посла, грозила ему тюрьмой и болѣзнями, отъ злобы «била себя въ грудь и кусала пальцы»; но въ концѣ-концовъ должна была исполнить могущественную волю Эа. Истарь, вспрыснутая живой водой, исцѣлилась отъ всѣхъ болѣзней, получила на обратномъ пути свое одѣяніе и украшенія и вернулась изъ ада съ цѣлительной влагой для своего мужа. Тогда на землѣ вновь появились любовь и плодородіе.

Кромѣ этихъ боговъ, ассирійцы признавали еще цѣлую массу другихъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ особеннымъ почитаніемъ пользовались не тѣ божества, которыхъ жрецы считали главными.

Религія слагалась въ ту отдаленную эпоху, когда югъ Месопотаміи не составлялъ еще одного государства, и отдѣльные города, независимые другъ отъ друга, поклонялись своимъ особеннымъ богамъ, т.-е. олицетворяли тѣ же явленія природы, только подъ другими названіями. Когда вся Месопотамія вошла въ составъ одного государства, жрецы придали первостепенное значеніе богамъ главныхъ городовъ, но народъ попрежнему поклонялся своимъ старымъ богамъ. Отсюда масса божественныхъ именъ, при чемъ отдѣльные боги сливались другъ съ другомъ, такъ что ихъ не всегда возможно отличить. Но кромѣ этихъ многочисленныхъ боговъ, ассирійцы вѣровали въ существованіе безчисленнаго количества духовъ, злыхъ и добрыхъ, отъ которыхъ зависитъ вся жизнь чело-

вѣка. Всѣ бѣдствія на землѣ: ураганы, засухи,—словомъ, всѣ разрушительныя дѣйствія стихій, а также всѣ несчастія человѣка происходятъ отъ злыхъ духовъ. «Они проникаютъ изъ дома въ домъ,—говоритъ одна надпись,—они проползаютъ подъ запертыя ворота, какъ змѣи, они похищаютъ ребенка съ колѣней родителей, они заставляютъ свободную женщину бѣжать изъ своего жилища и сына изъ дома своего отца". Изображая злого духа, ассирійскіе художники напрягали всю свою фантазію, чтобы изобрѣсти наиболѣе ужасный образъ. Для этого они приставляли къ человѣческому тѣлу иногда голову дикаго звѣря и ноги хищной птицы, иногда крылья и звѣриныя лапы, причемъ головѣ придавали самый уродливый видъ. Таково, напр., изображеніе юго-западнаго вѣтра, который, проходя черезъ песчаную Аравію, приносилъ

Рис. 13. Юго-западный вѣтеръ.

въ Месопотамію знойный песокъ, одинаково губительный какъ для растеній, такъ для животныхъ и человѣка. Добрые духи, которые защищаютъ человѣка и ведутъ борьбу съ злыми, точно такъ же изображались полулюдьми, полуживотными; но художники старались придать имъ благородныя и величественныя формы, выразить въ ихъ фигурахъ спокой-

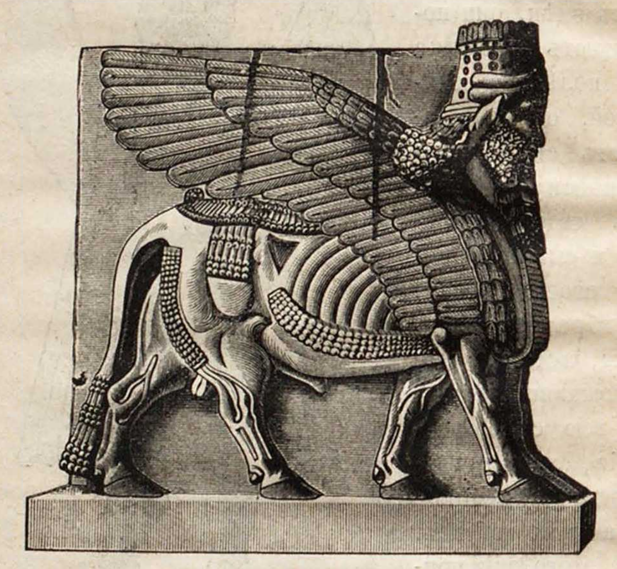

Рис. 14. Крылатый быкъ.

ное сознаніе своей мощи и благосклонное расположеніе къ человѣку, и иногда эти старанія не были вполнѣ безуспѣшны. Особенно удачно было обычное изображеніе добраго духа въ видѣ крылатаго быка съ человѣческой головой, украшенной царской тіарой (рис. 14). Эта фигура находилась при главномъ входѣ въ царскій дворецъ, передъ крѣпостными воротами

и, вѣроятно, передъ частными домами, такъ какъ крылатый быкъ считался охраной противъ злого духа.

Ассирійская религія, какъ и религіи другихъ народовъ, разрѣшала самые интересные вопросы для человѣка: откуда произошелъ міръ, кто имъ управляетъ, отъ чего зависитъ судьба человѣка и что его ожидаетъ въ будущемъ. Ассирійцы представляли себѣ міръ въ видѣ круглой опрокинутой лодки. Внутри ея—пропасть и вѣчный мракъ; на ея поверхности—земля, а въ центрѣ земли—Халдея. Кругомъ земли протекаетъ океанъ, а за нимъ на землю, въ видѣ круглой покрышки, опирается небо, его вершину подпираетъ «гора боговъ», на которой небо вращается, какъ на своей оси. Вмѣстѣ съ небомъ вращаются прикрѣпленныя къ нему звѣзды, а ниже ихъ въ атмосферѣ блуждаютъ планеты, облака, а также молніи и вѣтры въ видѣ чудовищныхъ животныхъ. Но этотъ благоустроенный міръ былъ созданъ богами, которые сами вышли изъ первобытнаго хаоса. Халдейскій жрецъ Березъ, жившій въ III вѣкѣ до Р. Х., сохранилъ отрывки изъ ассиро-вавилонскихъ сказаній о происхожденіи міра. По его словамъ, «было время, когда все было мракъ и вода, и среди нихъ самопроизвольно порождались чудовищныя животныя: люди съ двумя крыльями, а нѣкоторые съ двумя лицами, съ двумя головами на одномъ тѣлѣ: одной мужской, одной женской; люди съ козьими ногами и рогами, съ лошадиными копытами; другіе имѣли передніе члены человѣческіе, задніе—лошадиные. Тамъ были также быки съ человѣчьей головой, собаки съ четырьмя туловищами и рыбьимъ хвостомъ, другія четвероногія, въ которыхъ были смѣшаны всѣ животныя формы,

рыбы, гады, змѣи и всякаго рода удивительныя чудовища, представлявшія величайшія разнообразія въ своихъ формахъ». Олицетвореніемъ этого хаоса была тоже чудовищная богиня Тіаматъ. Когда боги отдѣлились отъ Тіаматъ, то она возстала противъ нихъ и вооружила своихъ чудовищъ. Предстояла ужасная

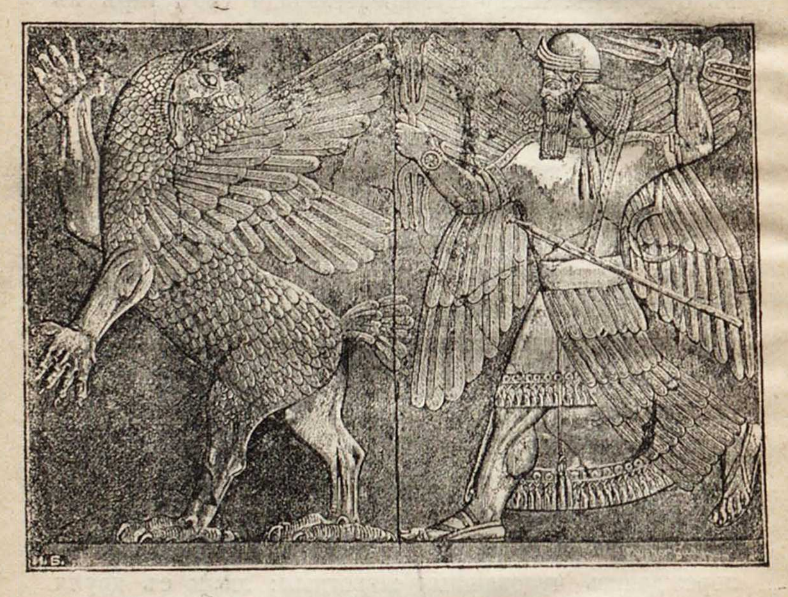

Рис. 15. Борьба Бэла съ богиней Тіаматъ.

война, и боги испугались: Ану потерялъ мужество, Эа поблѣднѣлъ отъ страха и не осмѣлился напасть на богиню хаоса. Только воинственный Бэлъ, по просьбѣ другихъ боговъ, рѣшился выступить на ихъ защиту. Вооружившись съ головы до ногъ молніями и земнымъ оружіемъ, Бэлъ напалъ на страшную Тіа-

матъ, побѣдилъ ее, разрубилъ на двѣ части и изъ верхней создалъ небо, а изъ нижней землю, при чемъ всѣ боги приняли участіе въ твореніи, создавая свѣтила, растенія, животныхъ и людей. Но сотворенные изъ тѣла богини мрака люди и животныя не могли выносить свѣта и гибли. Тогда боги рѣшили вложить въ нихъ часть своего существа; для этого Эа, съ согласія Бэла, отрубилъ ему голову и, смѣшавъ его кровь съ землей, вторично создалъ людей и животныхъ. Безсмертный богъ, конечно, ожилъ, и живыя существа получили способность выносить свѣтъ. Такимъ образомъ, по ассирійскимъ вѣрованіямъ, міръ произошелъ изъ убійства, и человѣкъ замѣшанъ на крови самаго воинственнаго существа, какое могла изобрѣсть человѣческая фантазія,—воззрѣніе, вполнѣ соотвѣтствующее національному характеру ассирійцевъ.

Но созданіемъ человѣка не окончились заботы о немъ боговъ: они научили людей письменности, земледѣлію, ремесламъ,—словомъ, они положили основаніе культурѣ. По словамъ Бероза, божественнымъ учителемъ людей былъ Оаннесъ, представляющій собою соединеніе чертъ Ану и Эа. «Люди жили безпорядочно, на манеръ животныхъ,—говоритъ Берозъ;—но изъ Краснаго моря вышло животное, одаренное разумомъ, по имени Оаннесъ. У него было рыбье тѣло, но подъ рыбьей головой была другая человѣческая, точно такъ же, какъ человѣческія ноги выходили изъ-подъ рыбьяго хвоста. Голосъ оно имѣло человѣческій, и его изображеніе сохраняется до настоящаго времени. Оно проводило день среди людей, не принимая никакой пищи, а при заходѣ солнца снова погружалось въ море и проводило ночь

подъ волнами. Оаннесъ научилъ людей письменности, всякаго рода наукамъ и искусствамъ, сообщилъ правила основанія городовъ и построенія храмовъ, далъ основанія законовъ, научилъ геометріи, показалъ посѣвы и жатвы, — однимъ словомъ, далъ людямъ все, что содѣйствуетъ улучшенію жизни. Съ этого времени ничего важнаго не было изобрѣтено... Онъ написалъ книгу о происхожденіи вещей и вручилъ ее людямъ». Сообщивъ людямъ свѣдѣнія, необходимыя для культурной жизни, Оаннесъ сначала самъ правилъ людьми и пріучалъ ихъ къ порядку и законности и только черезъ много лѣтъ поставилъ имъ царемъ человѣка. Но и при первыхъ царяхъ, правившихъ обыкновенно по нѣскольку десятковъ тысячъ лѣтъ, божественное чудовище время отъ времени выходило изъ Краснаго моря и давало людямъ полезныя наставленія; затѣмъ, въ теченіе 58.800 лѣтъ божество не появлялось, и люди окончательно развратились и перестали приносить жертвы богамъ. Тогда боги рѣшили наказать людей, и Бэлъ настоялъ, чтобы они были истреблены потопомъ. Только мудрый и благодѣтельный Эа сжалился надъ человѣческимъ родомъ и рѣшилъ сохранить благочестиваго царя Ксисутра съ его семействомъ, который впослѣдствіи и разсказалъ о потопѣ одному изъ своихъ потомковъ.

Эа тайно повелѣлъ Ксисутру закопать въ землю книгу, данную людямъ Оаннесомъ, и построить большой корабль, куда войти самому и внести съ собою «сѣмена жизни». Ксисутръ точно исполнилъ божественное приказаніе. «Все, чѣмъ я владѣлъ,—разсказываетъ онъ,—я перенесъ на корабль; сколько было

у меня золота, серебра и сѣмянъ жизни всякаго рода,—всѣмъ этимъ я наполнилъ его; я привелъ на корабль всю мою семью, служанокъ, весь мой скотъ и дикихъ звѣрей». Тогда начали свирѣпствовать стихіи. «Цѣлый день бушевалъ ураганъ, разсказываетъ Ксисутръ, и неистово дулъ на горы и равнины; вихрь обрушился на людей, какъ натискъ арміи; братъ не видалъ болѣе брата, и люди не узнавали другъ друга. Сами боги испугались потопа и пустились въ бѣгство». «Воя, какъ собаки», они поднялись на самую высокую часть неба и горько раскаивались, что согласились съ Бэломъ. Особенно сокрушалась Истарь. «Все превратится въ глину, жалуется она, потому что я сказала зло передъ богами. Говоря зло передъ богами, я совѣтовала нападеніе, чтобы уничтожить моихъ людей, тѣхъ, кого я породила. Гдѣ они теперь? Какъ дѣти рыбъ, они загромождаютъ море». Но не одна жалость заставляла боговъ проливать слезы; къ нимъ примѣшивался и страхъ за будущее. На самомъ дѣлѣ, если всѣ люди истреблены, то кто

Рис. 16. Оаннесъ.

же будетъ приносить необходимыя жертвы? Между тѣмъ стихіи продолжали свирѣпствовать, и «земля, нѣкогда полная блеска, покрылась мракомъ и превратилась въ море». «Шесть дней и шесть ночей дулъ вѣтеръ, неистовствовала буря и наводненіе», разсказываетъ Ксисутръ. «Но въ началѣ седьмого дня вихрь ослабѣлъ, и наводненіе, которое вело битву, какъ армія, прекратилось, море стихло и ураганъ улетѣлъ. Я окинулъ море взглядомъ и подалъ голосъ, но все человѣчество превратилось въ глину, и я не различалъ болѣе ни полей, ни лѣсовъ. Я открылъ люкъ, и свѣтъ упалъ мнѣ на лицо, такъ что я присѣлъ и заплакалъ, и слезы текли по моему лицу, когда я увидѣлъ, что весь міръ—одинъ ужасъ и одно море. Послѣ 12 дней показалась часть суши... и гора Низиръ остановила корабль и не позволяла ему носиться по волнамъ». Шесть дней оставался корабль неподвижно на горѣ Низиръ, и «въ началѣ седьмого дня я выпустилъ голубя: голубь леталъ, кружился и вернулся назадъ, такъ какъ не было мѣста для отдыха. Я выпустилъ ласточку: ласточка летала, кружилась и вернулась назадъ, такъ какъ не было мѣста для отдыха. Я выпустилъ коршуна: коршунъ полетѣлъ, увидѣлъ, что вода опустилась, приблизился къ кораблю, хлопая крыломъ и каркая, и не вернулся». Тогда Ксисутръ рѣшилъ выйти изъ корабля. «Я выпустилъ обитателей корабля на всѣ четыре вѣтра,—говоритъ онъ,—я принесъ жертву, я совершилъ умилостивительное возліяніе на вершинѣ горы».

Спасеніе Ксисутра было полной неожиданностью для всѣхъ боговъ, кромѣ Эа, но неожиданностью чрезвычайно пріятною, такъ какъ имъ недоставало

жертвъ. «Боги обоняли превосходный жертвенный запахъ,—разсказываетъ Ксисутръ:—боги, какъ мухи, собрались на верху жертвы». Одинъ только свирѣпый Бэлъ оставался непреклоннымъ и не принялъ участія въ жертвѣ. Увидавъ корабль, онъ пришелъ въ ярость. «Кто этотъ, спасшійся отъ потопа?—гнѣвно воскликнулъ Бэлъ.—Ни одинъ человѣкъ не долженъ пережить разрушенія». Понадобилось все краснорѣчіе бога Эа, чтобы смирить кровожаднаго воителя, и онъ успокоился только тогда, когда Эа напомнилъ ему, что у него всегда будетъ много средствъ уничтожить провинившихся людей, такъ какъ въ его распоряженіи голодъ, чума и хищные звѣри. Наконецъ, и Бэлъ примирился съ Ксисутромъ. «До сихъ поръ ты былъ человѣкомъ,—сказалъ онъ ему;—но теперь тебя и твою жену будутъ почитать, какъ боговъ, и ты будешь обитать далеко, около устья моря». Такимъ образомъ, Ксисутръ поселился въ радостной обители блаженныхъ, а его спутники вернулись въ Вавилонъ, вырыли скрытыя тамъ священныя книги и вновь основали этотъ городъ.

Но и послѣ потопа непосредственныя отношенія между потомками Ксисутра и богами не прекратились. Эти потомки спасеннаго царя были по большей части великаны и по временамъ вступали въ борьбу съ самими богами и не всегда безуспѣшно. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ Издубаръ (или Гильгамесъ, какъ его теперь называютъ), дѣянія котораго были описаны въ обширной поэмѣ, состоявшей изъ 12 пѣсенъ. Издубаръ, могучій красавецъ, плѣнилъ всѣхъ женщинъ своего города; оскорбленные мужчины пожаловались Истари и по ея требо-

ванію создали чудовище Эабани, которое должно было погубить Издубара. Но Издубаръ привлекъ Эабани на свою сторону; они сдѣлались друзьями, и съ этихъ поръ Издубаръ не боялся болѣе ни людей, ни звѣрей. Между тѣмъ сама Истарь, увидѣвъ однажды Издубара, влюбилась въ него, но ея любовь была отвергнута. Тогда оскорбленная богиня стала посылать противъ Издубара дикихъ чудовищъ одно свирѣпѣе другого, но Издубаръ былъ непобѣдимъ. Истарь поразила его болѣзнью, которая лишила его прежней красоты, но Издубаръ проникъ въ блаженное жилище своего предка Кситутра, добылъ отъ него цѣлительной воды и избавился отъ болѣзни. Но всѣ эти непрерывные успѣхи Издубара объясняются тѣмъ, что онъ былъ сыномъ бога солнца, и отецъ неизмѣнно помогалъ ему. Другіе герои, пытавшіеся вступать въ борьбу съ богами,

Рис. 17. Издубаръ.

кончали очень печально. Такъ, Этана хотѣлъ на крыльяхъ орла подняться на небо, но былъ низвергнутъ и разбился при паденіи. Березъ разсказываетъ о другихъ попыткахъ гигантовъ, жившихъ также послѣ потопа. «Первые люди,—говоритъ онъ,—надменные своей силой и величиной, начали презирать боговъ и считать себя выше ихъ; поэтому на мѣстѣ Вавилона они начали строить весьма высокую башню; уже башня достигала неба, когда вѣтры, воздвигнутые волею боговъ, низвергли ее на самихъ строителей. Ея развалины получили названіе Вавилона. До сихъ поръ люди говорили однимъ языкомъ, но теперь боги принудили ихъ говорить различными нарѣчіями».

Но религія отвѣчала ассирійцамъ на вопросъ не только о томъ, откуда произошли міръ и люди, но и о томъ, что станется съ человѣкомъ послѣ смерти. Человѣку трудно примириться съ мыслью, что со смертью прекращается всякое его существованіе, и ассирійцы, подобно другимъ народамъ, вѣрили въ загробную жизнь. Но, какъ народъ весьма практическій и вполнѣ поглощенный земными интересами, ассирійцы несравненно меньше, чѣмъ египтяне, заботились о своихъ покойникахъ и интересовались вопросами о загробномъ существованіи. Вмѣсто сооруженія прочныхъ могилъ они или сожигаютъ умершихъ, или кладутъ трупъ въ цилиндръ, который дѣлился на двѣ части посрединѣ. Помѣстивъ трупъ, обѣ части цилиндра соединяли такъ, что края одной половины

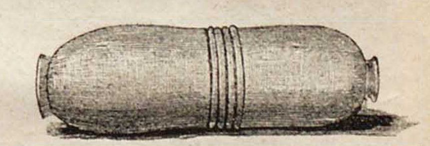

Рис. 18. Ассирійскій гробъ.

входили въ другую, и мѣсто соединенія заливали черной смолой. Могилы встрѣчаются рѣдко; повидимому, въ нихъ хоронили только знать, а можетъ быть исключительно царей; но и эти могилы ничтожныхъ размѣровъ. Какъ всѣ народы, ассирійцы вѣровали, что послѣ смерти человѣкъ сохраняетъ всѣ тѣ потребности, какія онъ имѣлъ при жизни; поэтому въ могилу клали сосуды съ пищею. Иначе душа умершаго бу-

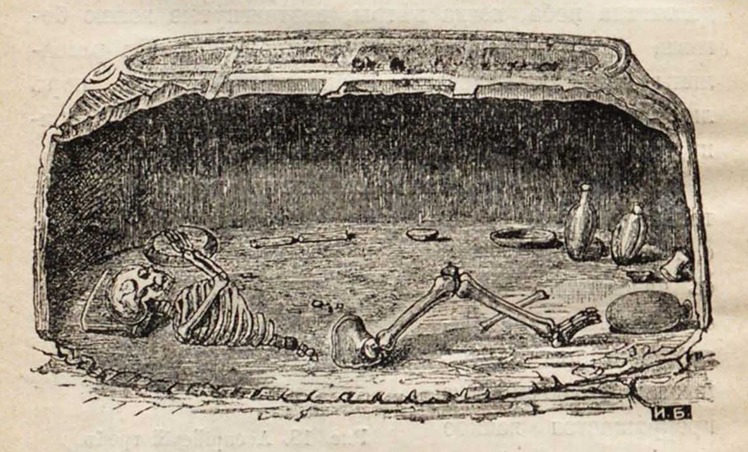

Рис. 19. Разрѣзъ Вавилонской могилы.

детъ выходить изъ могилы и мучить оставшихся въ живыхъ родственниковъ. Позже ассиро-вавилонскія вѣрованія о загробной жизни нѣсколько измѣняются и развиваются. Души умершихъ живутъ уже не въ могилѣ, а въ особомъ мірѣ. Ассирійцы имѣли представленіе о раѣ, гдѣ живетъ Ксисутръ; но это представленіе было очень неясное. Рай находился гдѣ-то «при устьѣ моря»; да и живетъ тамъ не простой смертный, а человѣкъ, принятый богами въ свою среду

еще при жизни. Гораздо живѣе представлялся адъ, обширное и мрачное подземное царство. Тамъ господствуетъ жестокая богиня Аллатъ, страшное чудовище. По рѣкѣ, окружающей ея владѣнія, объѣзжаетъ она свое царство на фантастическомъ звѣрѣ, съ двумя змѣями въ рукахъ и съ двумя львятами, своими дѣтенышами. Адъ переполненъ всевозможными чудовищами; чудовищную форму имѣетъ и мужъ Аллатъ, голова котораго видна наверху помѣщеннаго здѣсь рисунка, изображающаго подземное царство. Подъ властью этихъ боговъ, среди чудовищъ, обитаютъ и души умершихъ. Мысль о загробномъ возмездіи существовала у ассирійцевъ, но въ крайне неразвитомъ видѣ. Добродѣтельные и порочные одинаково живутъ въ подземномъ царствѣ, которое представляется въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Это — «неподвижная земля, страна, откуда не возвращаются, жилище, куда входятъ, но откуда не выходятъ, путь, по которому спускаются, но не возвращаются, тюрьма, гдѣ питаются

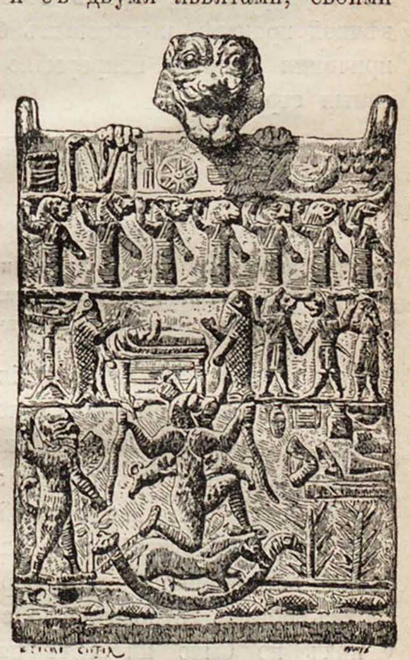

Рис. 20. Адъ.

пылью и утоляютъ голодъ грязью, гдѣ не видятъ свѣта и блуждаютъ во муракѣ, гдѣ тѣни носятся подобно птицамъ». Таково существованіе добродѣтельныхъ людей, т.-е. тѣхъ, которые умерли на полѣ битвы и которые были заботливо похоронены. Порочные же подвергаются, кромѣ того, страшнымъ мукамъ: вѣчной проказѣ, и ужаснымъ болѣзнямъ, которыя, не причиняя смерти, непрерывно возбуждаютъ невыносимыя страданія.

VI.

Ассиро-Вавилонскій культъ. Храмы и жертвоприношенія. Гаданія и халдейская магія. Религіозные гимны и молитва Навуходоносора. Всемірно-историческое значеніе Ассиро-Вавилоніи.

Ассиро-вавилонская религія отвѣчала на самые интересные вопросы для человѣка: что отъ боговъ зависитъ вся человѣческая жизнь, что они даруютъ побѣду надъ врагомъ и всѣ земныя блага, которыя такъ высоко цѣнились ассирійцами, и что отъ нихъ зависитъ и облегченіе загробныхъ страданій. Совершенно естественно, что ассирійцы усердно служили своимъ богамъ, относительно существованія которыхъ у нихъ не было ни малѣйшихъ сомнѣній. Они не щадили средствъ для культа, воздвигали грандіозные храмы, содержали многочисленныхъ жрецовъ, приносили дорого стоящія жертвы. Не сохранилось ни одного ассиро-вавилонскаго храма, такъ что судить объ ихъ формѣ и внутреннемъ устройствѣ можно только на основаніи изображеній храмовъ на рельефахъ и по описаніямъ древнихъ авторовъ, которые

имѣли возможность ихъ видѣть. Судя по изображеніямъ, можно думать, что существовало два главныхъ типа храмовыхъ построекъ. Первый, распространенный

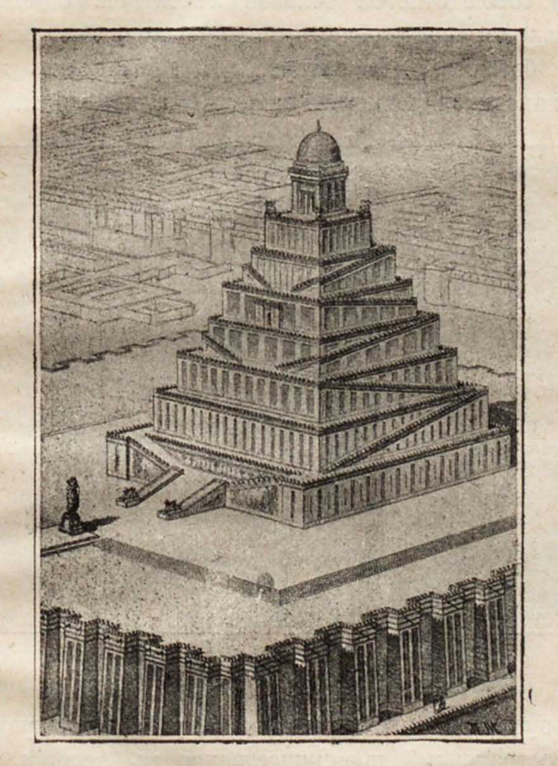

Рис. 21. Реставрація вавилонскаго храма.

преимущественно въ Вавилоніи, представлялъ собою многоэтажную массу глиняныхъ ящиковъ, объемъ которыхъ постепенно уменьшался кверху. Современные изслѣдователи, дополняя рисунокъ описаніями древ-

нихъ путешественниковъ, возстановляютъ этотъ храмъ въ довольно изящномъ видѣ (рис. 21). На широкомъ основанiи возвышается 7 этажей, соединенныхъ между собою отлогой боковой лѣстницей. Зданiе заканчивается святилищемъ, гдѣ находилось изображенiе божества. Но алтарь, гдѣ приносились жертвы, находился передъ храмомъ, и молящiеся едва

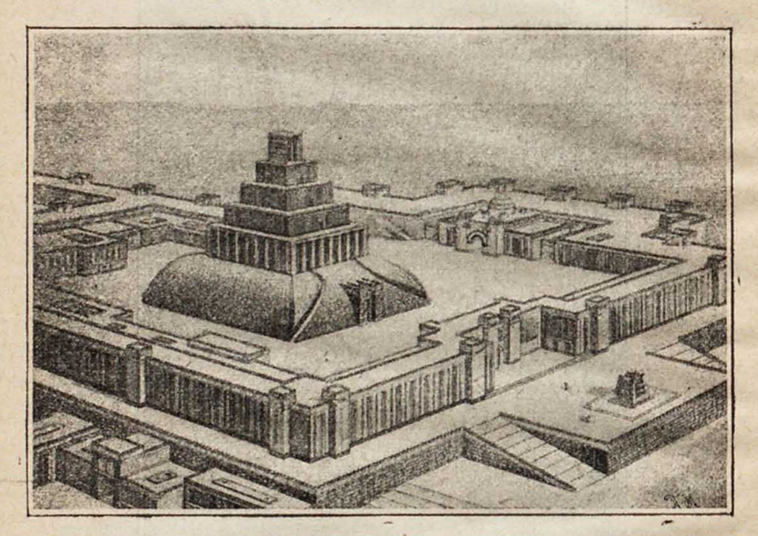

Рис. 22. Реставрацiя ассирiйскаго храма.

ли допускались въ святилище. Другой типъ храмовъ, распространенный преимущественно въ Ассирiи, судя по изображенiю (рис. 22), отличался отъ предыдущаго только полукруглымъ фундаментомъ, нѣкоторыми подробностями въ постройкѣ и меньшимъ количествомъ этажей. Судя по реставрацiи, этотъ храмъ ниже вавилонскаго, и лѣстница, соединяющая этажи, идетъ внутри зданiя. Нельзя отрицать, что по наруж-

ности ассиро-вавилонскіе храмы не лишены изящества; но по внутреннему устройству они стоятъ несравненно ниже египетскихъ. Ассирійскій архитекторъ при постройкѣ храма преслѣдовалъ двоякую цѣль: онъ стремился выразить величіе божества, которому храмъ посвященъ, и могущество царя, на средства котораго онъ обыкновенно строился, и обѣ эти цѣли лучше всего достигались сооруженіемъ на обширной равнинѣ искусственной горы. Храмъ, высоко поднимавшійся къ небу, несомнѣнно производилъ сильное впечатлѣніе на жителей Месопотаміи, не видавшихъ горъ, но онъ былъ лишенъ всякаго внутренняго устройства, такъ какъ во всѣхъ его этажахъ почти не было внутреннихъ помѣщеній и они представляли собою сплошную глиняную глыбу.

Благочестивые люди дѣлали въ пользу храмовъ обильныя пожертвованія, на которыя содержались многочисленные жрецы. Хотя вслѣдствіе воинственности ассирійцевъ жрецы не занимали перваго мѣста въ обществѣ, тѣмъ не менѣе они играли очень важную роль при богослуженіи. Въ ассиро-вавилонской религіи была масса обрядностей, которыя сѣтью опутывали каждаго, начиная съ царя. Каждый денъ былъ посвященъ какому-нибудь богу, и царь долженъ былъ ежедневно приносить различныя жертвы. Кромѣ того, черезъ каждые десять дней справлялись особые праздники; были еще праздники годовые, а пять дней всякаго мѣсяца считались днями покоя. Въ эти дни царь и жрецъ не могли заниматься дѣлами, надѣвать торжественнаго платья и принимать до вечера обычной пищи. У ассиро-вавилонянъ годъ дѣлился на 12 мѣсяцевъ по лунѣ; но такъ какъ лунный годъ короче

солнечнаго, то, чтобы сравнять оба года, вставляли одинъ мѣсяцъ, который цѣликомъ былъ посвященъ богамъ, и въ этотъ вставочный мѣсяцъ царь ежедневно приносилъ жертвы—15 разъ днемъ, 14 ночью и 1 разъ на разсвѣтѣ. Совершенно естественно, что для точнаго исполненія всѣхъ этихъ многочисленныхъ обрядовъ необходимъ былъ особенный классъ жрецовъ, которые изучали религіозныя церемоніи и слѣдили за правильнымъ совершеніемъ жертвъ. Самый способъ жертвоприношенія въ Ассиро-Вавилоніи, какъ и повсюду, опредѣлялся, съ одной стороны, воззрѣніемъ человѣка на боговъ, съ другой—потребностями человѣка. Боги, созданные по образу и подобію человѣка, нуждаются въ жилищѣ, въ пищѣ, въ одеждѣ; поэтому имъ строятъ храмы, сожигаютъ для нихъ животныхъ и плоды, дѣлаютъ имъ возліянія, смазываютъ ихъ статуи благовоннымъ масломъ, покрываютъ ихъ драгоцѣнными тканями, навѣшиваютъ на нихъ различныя украшенія. Всѣ эти пріемы богослуженія свойственны всѣмъ языческимъ религіямъ; но особенность ассиро-вавилонскаго культа составляютъ три черты: его жестокость, масса разнообразныхъ гаданій и такъ называемая магія.

Воинственный ассиріецъ, наслаждавшійся убійствомъ, вѣровалъ, что и его богъ жаждетъ человѣческой крови, и приносилъ ему человѣческія жертвы, а иногда своихъ собственныхъ дѣтей. Эта мерзость грязнила въ древности другія религіи; но нигдѣ она не держалась такъ долго и не имѣла такого распространенія, какъ въ Ассиріи. Что касается до гаданій, то они точно такъ же встрѣчаются во всѣхъ языческихъ религіяхъ, такъ какъ вѣра въ то, что боги

знаютъ будущее и управляютъ имъ, и желанiе узнать волю божiю и исходъ задуманнаго предпрiятiя свойственны всѣмъ народамъ. Но ассирiйскую особенность составляетъ необыкновенное развитiе гаданiй по звѣздамъ и по сновидѣнiямъ. Предсказанiя по звѣздамъ дѣлались слѣдующимъ образомъ. Наблюдали извѣстное расположенiе свѣтилъ небесныхъ, особенный блескъ какой-нибудь звѣзды или какое-нибудь атмосферическое явленiе и замѣчали, какое событiе произошло при этомъ на землѣ: была ли одержана побѣда или войско потерпѣло пораженiе, отличался ли годъ плодородiемъ или народъ страдалъ отъ засухи, отъ какой-нибудь болѣзни и т. п. Эти наблюденiя записывались, и когда впослѣдствiи снова замѣчали какое-нибудь явленiе на небѣ, то по записямъ справлялись, что оно должно обозначать. Точно такъ же записывалось рожденiе уродовъ, появленiе чудовищъ и т. п., такъ какъ это указывало, что въ созвѣздiяхъ, подъ влiянiемъ которыхъ происходили эти ненормальныя событiя, что-нибудь не ладно, а слѣдовательно, нужно ожидать какого-нибудь бѣдствiя на землѣ. Эти гадательныя записи составляли весьма обширную отрасль ассиро-вавилонской литературы. Другой способъ угадывать событiя доставляли сновидѣнiя. Сонъ всякаго разумнаго человѣка, правильно истолкованный, имѣлъ вѣщее значенiе; но у ассирiйцевъ существовали особые сновидцы, жрецы, которымъ можно было заказывать пророческое сновидѣнiе. Для этого они ложились спать въ храмѣ, видѣли подходящiй сонъ и потомъ его истолковывали. Толкованiе сновъ точно такъ же записывалось; изъ этихъ записей возникала

обширная литература сонниковъ, которые надолго пережили свою первоначальную родину и получили широкое распространеніе за ея предѣлами.

Еще болѣе глубокимъ и мрачнымъ суевѣріемъ, чѣмъ эта гадательная литература, проникнута халдейская магія. Ея сущность заключалась въ вѣрованіи, что нѣкоторыя слова и иные неодушевленные предметы имѣютъ божественную силу. Ассиро-вавилоняне вѣровали, что всякое зло происходитъ отъ злого духа, въ борьбѣ съ которымъ помогаютъ боги; поэтому молитва къ божеству должна быть единственнымъ средствомъ противъ всякаго зла. Но исполненіе молитвенной просьбы зависитъ отъ воли божества, а человѣку желательно имѣть увѣренность, что она будетъ непремѣнно исполнена. Отсюда развилась вѣра, что существуютъ такія таинственныя слова, которымъ необходимо повинуется самъ богъ, а тѣмъ болѣе злой духъ: эти могущественныя слова и есть заклинаніе. Заклинанія бываютъ двухъ сортовъ: одни заставляютъ злого духа повредить человѣку—это черная магія; другія уничтожаютъ дѣйствія злого духа—это магія бѣлая. Чаще всего заклинанія употреблялись при врачеваніи больного, но они употреблялись также и въ другихъ случаяхъ, наприм., при освященіи царскаго скипетра, при затменіи луны и т. п. Вся халдейская медицина сводилась къ заклинаніямъ, которыя и вообще занимаютъ очень видное мѣсто въ ассиро-вавилонской литературѣ. Чтобы составить себѣ представленіе объ этой галиматьѣ, которой нѣкогда придавалось религіозное значеніе, достаточно немногихъ примѣровъ. «Отъ того, кто дѣлаетъ изображеніе съ цѣлью повредить

человѣку,—говорится въ одномъ заклинаніи,—отъ дурного глаза, отъ болѣзни рта и губъ, отъ вреднаго питья сохраните, небеса, сохрани, земля. Отъ сухотки, отъ недомоганія, отъ злого духа нарывовъ, распространяющаго воспаленія горла, отъ ядовитаго, вреднаго рока сохраните, небеса, сохрани, земля». Чтобы избавиться отъ порчи, нужно сжечь извѣстное растеніе и произнести слѣдующія слова. «Подобно тому, какъ сгораетъ это растеніе, и чара должна сжигать горючимъ пламенемъ. Какъ растенію больше не вернуться къ своему стеблю, чтобы пойти потомъ на пищу божества или монарха, такъ пусть случится и съ человѣкомъ, противъ котораго направлена эта чара. Злобное заклинаніе, указаніе пальцемъ, проклятіе, прегрѣшеніе, недугъ, заключающійся въ моемъ тѣлѣ или членахъ, или зубахъ,—все это да уничтожится во мнѣ наподобіе этой травы, и пожирающій огонь да уничтожитъ день сей. Да изгонится чара и возвратится въ свое прежнее жилище».

Такую же силу, какъ заклинанія, имѣютъ нѣкоторые неодушевленные предметы. Эти предметы дѣйствуютъ не заимствованной отъ божества силой, а своей собственной, заключающейся въ нихъ самихъ. Въ основѣ такого вѣрованія лежитъ самый грубый фетишизмъ, т.-е. обоготвореніе бездушныхъ предметовъ. Подобно всѣмъ народамъ, ассирійцы въ глубокой древности поклонялись горамъ, камнямъ, деревьямъ и т. п.; позже эта религія замѣнилась другой, болѣе достойной человѣка; но нѣкоторыя старыя вѣрованія, напримѣръ, обожаніе какого-то дерева, сохранились до поздняго времени, и до насъ дошло изображеніе, какъ Саргонъ, строитель знаменитаго

дворца, поклоняется священному дереву. Такимъ же остаткомъ фетишизма была вѣра въ амулетъ, т.-е. въ такой предметъ, который имѣлъ силу отвратить то или другое несчастіе. Ассирійцы приписывали

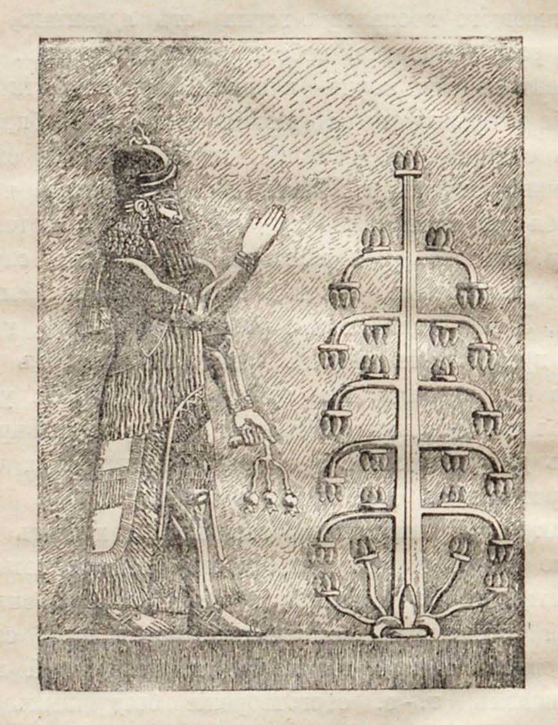

Рис. 23. Саргонъ передъ священнымъ деревомъ.

амулету могущество, непреодолимое даже для боговъ. Надпись, находящаяся на одномъ изъ нихъ, такъ изображаетъ его силу: «это предѣлъ, который не можетъ быть устраненъ, котораго не могутъ нарушить даже небеса, граница неба и земли, которую

нельзя перемѣстить, которую никакой богъ не можетъ уничтожить, твердая ограда противъ всякаго зла, которую нельзя разрушить». Существовали амулеты, предохранявшіе отъ какого-нибудь одного несчастія, какъ, напримѣръ, приведенное изображеніе юго-западнаго вѣтра спасало отъ бѣдствій, имъ причиняемыхъ, а кромѣ того, повидимому, каждый ассиріецъ носилъ съ собою амулетъ, имѣвшій охранительную силу вообще. Такъ, при раскопкахъ въ Ассиро-Вавилоніи весьма часто находятъ цилиндры, которые употреблялись какъ печати при контрактахъ, а также служили амулетами. На этихъ цилиндрахъ дѣлались различныя изображенія, сюжетъ которыхъ заимствовался часто изъ священныхъ преданій, напр., Ксисутръ въ ковчегѣ или еще чаще какой-нибудь эпизодъ изъ поэмы объ Издубарѣ, напр., его борьба съ дикими звѣрями.

Но сквозь этотъ густой мракъ самаго дикаго суевѣрія въ ассиро-вавилонской религіи прорывается, по временамъ, высокое и чистое религіозное чувство. До насъ дошли покаянные гимны, въ которыхъ грѣшникъ оплакиваетъ свои грѣхи и молитъ боговъ о прощеніи, и нѣкоторые изъ нихъ возвышаются до настоящей поэзіи. «О мой богъ», говорится въ одномъ изъ такихъ гимновъ.

„О мой богъ, преступленіе мое велико, грѣхи мои многочисленны!
„Мой богъ покаралъ меня въ гнѣвѣ сердца своего.
„Въ твердынѣ сердца своего богъ поборолъ меня,
„Богиня невзгоды поразила меня и ввергла меня въ печаль.
„Я лежалъ на землѣ, и руки никто не протянулъ мнѣ;

„Я громко кричалъ; никто не нашелся, чтобы услышать меня.
„Я былъ погруженъ въ тьму и тревогу и не возсталъ я къ свѣту.
„Въ несчастіи моемъ я обратился къ богу, обратился къ нему съ молитвой.
„Доколѣ, о боже, я буду еще страдать?
„Обрати въ благодать мнѣ грѣхи мои,
„Повели вѣтру разсѣять совершенное мною преступленіе,
„Уничтожь мои многочисленныя страданія, какъ я разодралъ свои одежды“.

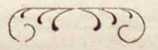
Еще болѣе возвышенное религіозное чувство проявляется въ дошедшей до насъ молитвѣ знаменитаго Навуходоносора. «Вѣчный господь,—говорится въ этой молитвѣ,—высоко стоящій надъ всѣмъ существующимъ! Руководи по волѣ твоей царемъ, котораго ты любишь и имя котораго ты называешь, веди его по правому пути. Я царь, послушный тебѣ, созданіе рукъ твоихъ. По своей милости, господь мой, которую ты простираешь на всѣхъ, ты меня создалъ и далъ мнѣ царство надъ всѣми народами. Повели мнѣ любить твое высокое господство; пусть страхъ передъ твоей божественностью живетъ въ моемъ сердцѣ, и даруй мнѣ то, что тебѣ благоугодно». Но эти отдѣльные проблески высокаго религіознаго чувства и сознанія далеко не уничтожаютъ того гнетущаго впечатлѣнія, которое производитъ ассиро-вавилонская религія съ ея безчеловѣчными богами, съ ея жестокимъ культомъ, съ ея мрачнымъ суевѣріемъ.

Ниневія пала уже за VI вѣковъ до Рождества Христова, и ее погубило то, что выше всего ставилъ ас-

сирійскій народъ: непрерывная война. Тысячелѣтняя борьба съ сосѣдями, трудные походы въ отдаленный Египетъ и на малодоступный Иранъ медленно, но постоянно подрывали силы страны, и Ассирія пала неожиданно, пала отъ одного удара. Современники, пережившіе ея паденіе, отнеслись къ нему съ искренней радостью: ассирійская жестокость могла породить только всеобщую ненависть. Еврейскій пророкъ Наумъ живо изображаетъ отношеніе къ ассирійцамъ ихъ современниковъ. По его словамъ, о Ниневіи никто не пожалѣетъ и нигдѣ не найдетъ она утѣшителей. «Нѣтъ врачевства для раны твоей,—говоритъ онъ, обращаясь къ Ниневіи;—всѣ, услышавшіе вѣсть о тебѣ, будутъ рукоплескать о тебѣ, ибо на кого не простиралась злоба твоя?» Не успѣло умереть то поколѣніе, которое было свидѣтелемъ паденія Ниневіи, какъ вся Ассирія превратилась въ пустыню; прошло нѣсколько столѣтій, въ такую же безжизненную пустыню обратилась и почти вся Месопотамія. Населеніе вымерло или переселилось въ другія мѣста и смѣшалось съ другими народами; песокъ сосѣдней Аравіи засыпалъ высохшіе каналы и разрушенные города, и самая память объ Ассиро-Вавилоніи почти исчезла, пока современные археологи не раскопали песчаныхъ могилъ и не вынули оттуда многочисленныхъ памятниковъ богатой культуры. Можно подумать, что безчисленныя войны ассирійцевъ прошли безслѣдно и что созданная ими культура не принесла никакой пользы человѣчеству. Но исторія учитъ, что культурная работа никогда даромъ не пропадаетъ; не даромъ прошла и многовѣковая жизнь Ассиро-Вавилоніи. Прежде всего культурнымъ трудомъ жителей Месопотаміи вос-

пользовались ея ближайшіе сосѣди: отсюда заимствовали персы клинообразную письменность и систему построекъ, а финикійцы вмѣстѣ съ религіей—мѣры и единицы вѣса. Самыя войны, которыя въ огромномъ большинствѣ случаевъ составляютъ огромное препятствіе культурному развитію, имѣли своимъ послѣдствіемъ не только всеобщую ненависть къ ассирійцамъ. Въ эпоху глубокой древности только война сталкивала между собою отдѣльныя племена и служила поводомъ къ сближенію ихъ культуръ. Побѣдители навязывали свою религію, свои нравы и обычаи побѣжденнымъ, оставляли въ ихъ странѣ гарнизоны и сооружали монументальные памятники; военноплѣнные изъ побѣжденныхъ сообщали, въ свою очередь, побѣдителямъ и свои знанія, и свои искусства. По военнымъ дорогамъ, за солдатскими полками, начинали двигаться торговые караваны, которые укрѣпляли международныя связи, и незнакомыя доселѣ племена все болѣе и болѣе сближались, учились другъ у друга, и культурное развитіе шло быстрѣе и быстрѣе. Ассирійская политика въ завоеванныхъ странахъ, весьма тяжелая для побѣжденныхъ и гибельная для побѣдителей, много содѣйствовала международному сближенію. Ассирійцы весьма часто переводили жителей завоеванныхъ областей въ Месопотамію и въ другія провинціи и поселяли на ихъ мѣсто представителей различныхъ народностей, и вслѣдствіе этого сталкивались и понемногу сливались самыя разнообразныя культуры. Но ассиро-вавилонское вліяніе дѣйствовало не только на сосѣдей и современниковъ, но и на европейскую культуру. Есть основаніе думать, что европейцы впервые въ Ассиро-Вавилоніи по-

знакомились съ пшеницей, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что древнѣйшія постройки въ Греціи, металлическое производство и раннія произведенія греческой скульптуры сложились по ассиро-вавилонскимъ образцамъ. Правда, вмѣстѣ съ благотворнымъ вліяніемъ Ассиро-Вавилоніи въ Европѣ распространялись и грубыя халдейскія суевѣрія, но греческіе ученые сумѣли воспользоваться для науки и ассирійскимъ невѣжествомъ, такъ какъ астрологическія вычисленія пошли на пользу научной астрономіи. Во всякомъ случаѣ, благодаря этимъ фактамъ, добытымъ исторической наукой, мы можемъ отнестись къ ассирійскому народу безъ злобной ненависти и съ большей справедливостью, чѣмъ его современники, а изъ этого слѣдуетъ, что исторія, великая учительница жизни, не только расширяетъ наши знанія, но и можетъ воспитывать наше нравственное чувство.

УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи.

Выпускъ I. Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія. Съ 28 рис. въ текстѣ. Ц. 30 к.

Выпускъ II. Средневѣковая церковная готика и ея историческія основы. Съ 22 рис. въ текстѣ. Ц. 30 к.

Выпускъ III. Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Съ 27 рис. въ текстѣ. Ц. 30 к.

Выпускъ V. Кто были наши предки, гдѣ и какъ они жили. Съ 26 рисунками въ текстѣ. Ц. 30 к.

Выпуски I, II, III и IV допущены въ фундаментальныя и ученическія старшаго возраста библіотеки мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Очерки Итальянскаго возрожденія. Ц. 1 р.

Допущена въ народныя безплатныя библіотеки и читальни.

Разсказы Людвига Анцекгрубера. (Изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ.) Лиза-гусятница. Трефовый тузъ. Исторія о дурныхъ пословицахъ. Сонъ мооргофца. Благочестивая Катерина. 112 стр. Ц. 20 к.

Русскіе инородцы. А. Н. Максимова. 112 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безпл. народ. библіотеки и читальни.

Бесѣды по школьной гигіенѣ. Д-ра Ф. Л. Касторскаго. Съ рис. и таблиц. діаграммъ въ краскахъ. Ц. 15 к. Допущено въ безпл. народн. библ. и читальни, въ учител. библіот. низш. училищъ.

Рабство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. Ц. 10 к.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ П. Ганзена.) 92 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплатн. народн. библіот. и читальни, въ учит. библіот. низш. училищъ Минист. Нар. Просвѣщенія.

Исполинъ нѣмецкой промышленности. (Заводъ Круппа.) Съ 4 таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. Ц. 15 к. Особ. отд. Мин. Нар. Просв. допущено въ безплатн. народн. библіотеки и читальни.

Бытовые очерки. Въ мастерской, И. А. Данилина.—Преступники, П. Б. Хотымскаго. 216 стр. Ц. 40 к.

Разсказы Петра Резеггера. (Изъ жизни штирійскихъ крестьянъ.) Буква демонъ. Табачокъ стараго Андрея. Пріятели. Хозяинъ и работникъ. Перышко. Смерть Зильзама. Троицкій поклонникъ. 95 стр. Ц. 15 к.

Китай и китайцы. Бытъ китайцевъ, государственное устройство, экономическое и военное положеніе. Русскія владѣнія въ Китаѣ. Съ картой. 135 стр. Ц. 25 к. Допущено въ безплатныя народн. библіотеки и читальни.

Башка. Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. (Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ.) 56 стр. Ц. 10 к.

Офицерша.—Подъ шумъ вьюги. А. И. Эртель. 77 стр. Ц. 15 к.

Исторія человѣческаго жилища съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Съ рис. въ текстѣ и сравнит. таблицей главныхъ видовъ жилищъ, въ хронологич. порядкѣ, на отдѣльн. листѣ. 200 стр. Ц. 50 к.

Пріуральскій край, его населеніе и минеральныя богатства. Н. А. Дьячковъ. 91+IV стр. Ц. 15 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Гольцевъ, В. А. Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 4-е изданіе. Ц. 3 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрено для безплатн. народн. читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изданіе. Ц. 1½ к. Допущено въ безплатныя народн. библіот. и читальни.

Ожешкова, Элиза. Юльянка. Ц. 15 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено для безплатн. народн. библіот. и читаленъ.

Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ! 2-е изд. Ц. 6 к. **Его же.** Бартекъ побѣдитель. Ц. 12 к. **Его же.** Фонарщикъ на маякѣ и Янко музыкантъ. Ц. 6 к.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ полей ягоды. Романъ. Ц. 1 руб.

Бобрищевъ-Пушкинъ, А. М. Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ. Съ атласомъ. Ц. 4 р.

Бурже, Поль. Трагическая идиллія (Космополитическіе нравы). Меньшая сестра Алины. Два отрывка изъ дневника Франсуа Вернанта. Переводъ М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.

Василичъ, Н. Очерки и разсказы. Ц. 1 р.

Данилинъ, И. А. Очерки и разсказы. Шутка. Въ мастерской. Передъ праздникомъ. Зуда. Мечтатели. Выборы. Искра любви. Изъ записокъ чернорабочаго. Ц. 1 р.

Константенъ, Ж. Растенія и среда. (Приспособленіе.—Эволюція.) Перев. съ франц. подъ редакціей К. Тимирязева. Ц. 1 р. 50 к.

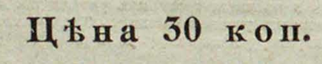
Лабулэ, Э. Политическія идеи Бенжамена Констана. Ц. 40 к.

Олстонъ, Л. Краткій очеркъ современныхъ конституцій. Введеніе въ изученіе политической науки. Перев. съ англійскаго К. Тимирязева. Изд. 2-е. Ц. 30 к.

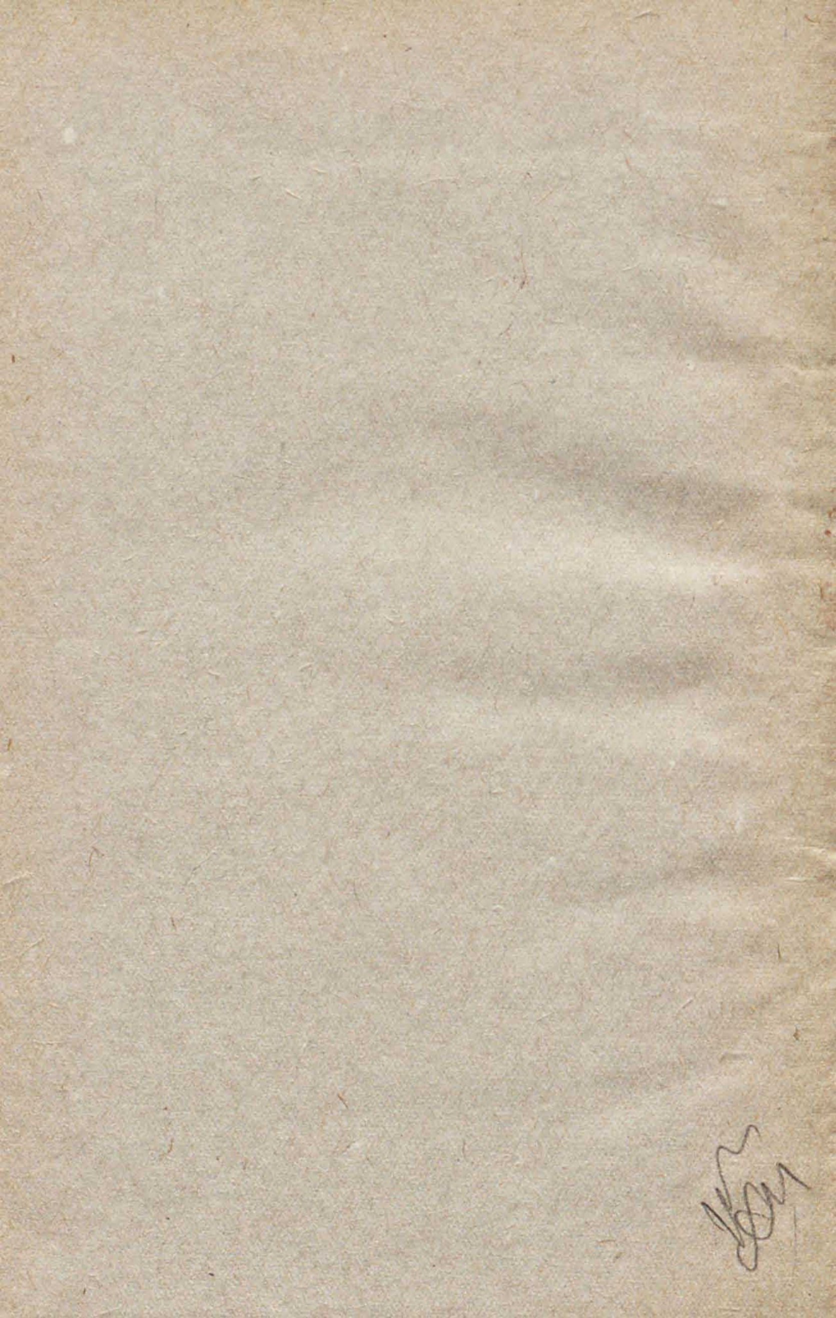
Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. 2-е, дополненное и пересмотрѣнное изданіе ред. журнала „Русская Мысль". Ц. 2 р., въ пер. 2 р. 50 к.

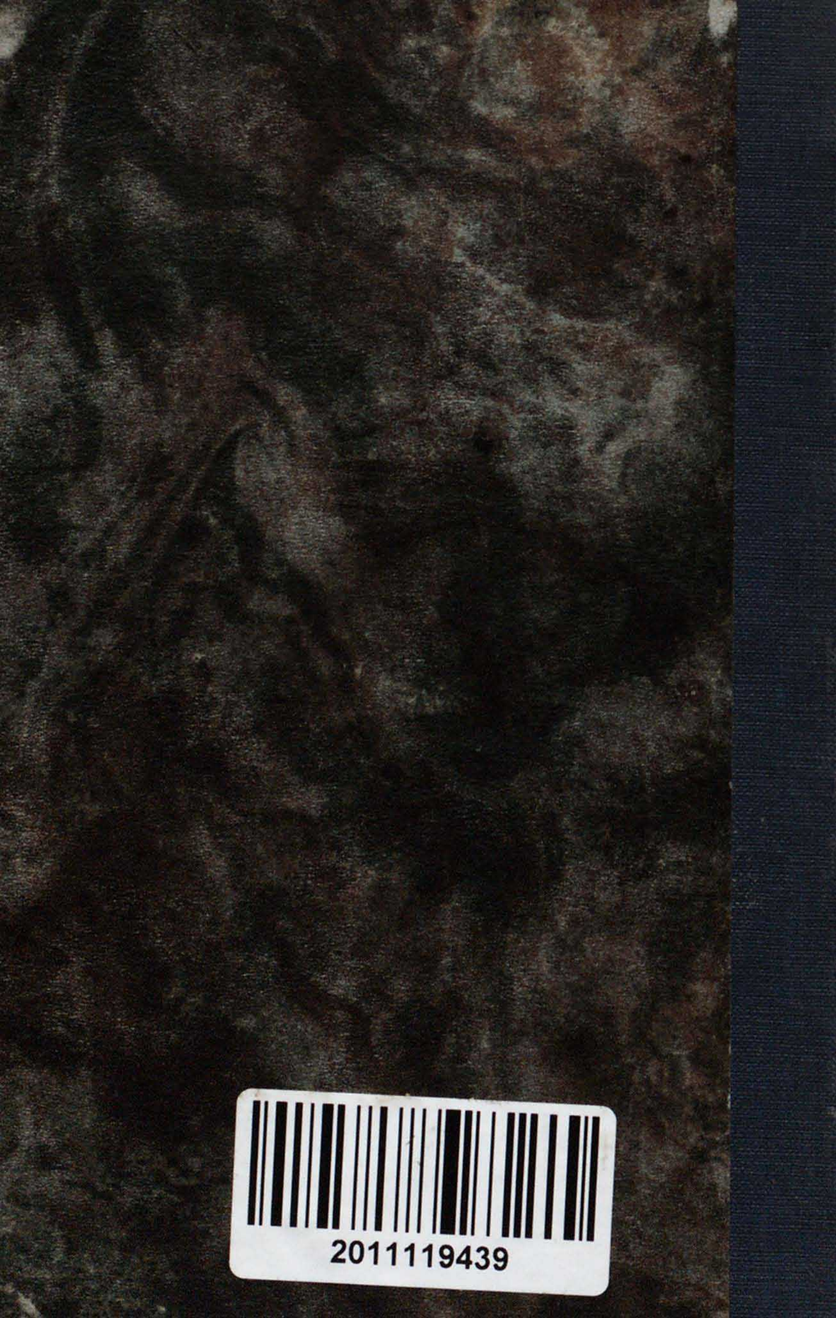
Планъ государственнаго преобразованія графа М. М. Сперанскаго. (Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ 1809 г.) Съ приложеніемъ „Записки объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій въ Россіи (1803 г.)", статей „О государственныхъ установленіяхъ", „О крѣпостныхъ людяхъ" и Пермскаго письма къ Императору Александру. Ц. 1 р.

— o —

Цѣна 30 коп.

2011119439